

№ I. 4, 12, № 7

№ 8. XXI-2-8
манна А

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

803
97

ЛИТЕРАТУРА СЛОВА

О

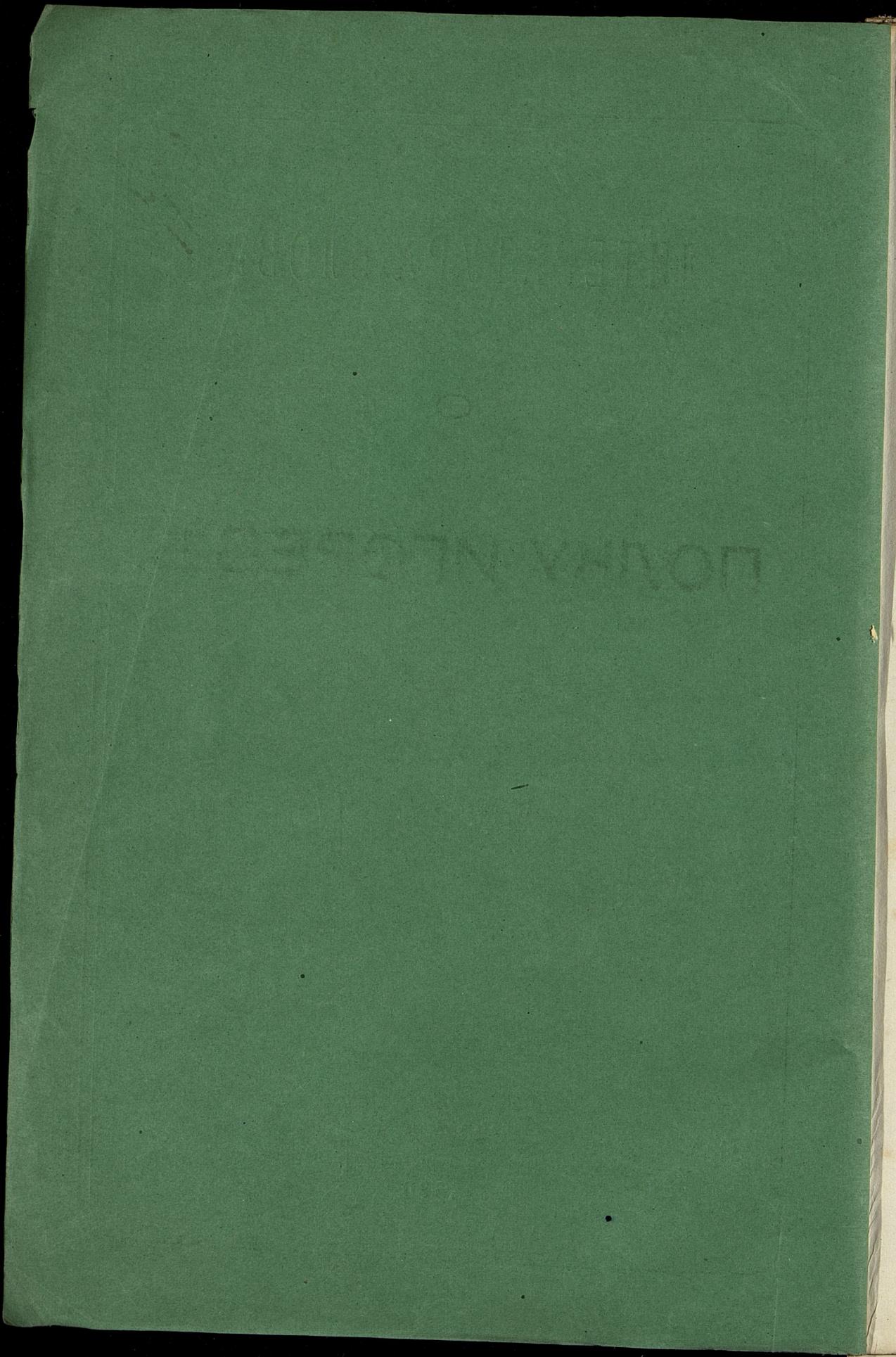
ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

И. ЖДАНОВА.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (І. ЗАВАДЗКАГО).

1880.

И-36706р.

Резерв

ЛИТЕРАТУРА СЛОВА

О

ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

И. Ж Д А Н О В А.

К І Е В Ъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (І. ЗАВАДЗКАГО).

1880.

Розсуд

II-827069

ДИТЕРАТАРА СЛОВА

ПОЛКУ ПЛОРЕВЪ

Отискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.
Печатано по опредѣленію Совѣта У-гета Св. Владиміра, 1880 г.
Въ универс. типографіи.

Л. Жданова

И. П. В. Р.

Въ университетской типографіи (Л. Жданова)

1880

Литература Слова о полку Игоревѣ.

Е. Барсовъ. КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРЫ „Слова о полку Игоревѣ.“
Журналъ Мин. Нар. Просв. 1876 г. СЕНТЯБРЬ И ОКТЯБРЬ.

А. Смирновъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. I. ЛИТЕРАТУРА СЛОВА со времени ОТКРЫТІЯ ЕГО до 1876 года. Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ.“ Воронежъ 1877.

I.

Въ 1797 году въ Гамбургскомъ журналѣ „Spectateur du Nord“ появилось извѣстіе объ удивительной находкѣ въ области старинной русской письменности: „два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подь названіемъ: Пѣснь Игоревыхъ воиновъ, которую можно сравнить съ лучшими Оссіановыми поэмами, и которая написана въ XII столѣтіи неизвѣстнымъ сочинителемъ.“ Въ 1800 году эта „поэма“ была издана подь заглавіемъ: „Ироиическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича.“ Надъ этимъ первымъ изданіемъ Слова о полку Игоревѣ трудились Мусинъ-Пушкинъ, Малиновскій и Бантышъ-Каменскій.

Интересъ, возбужденный Словомъ въ кругу ученыхъ и любителей литературы при первомъ же ознакомленіи съ памятникомъ, не ослабѣвалъ за тѣмъ во все послѣдующее время, вплоть до нашихъ дней. Слово о полку имѣетъ такую значительную литературу, какой не имѣетъ конечно никакой другой памятникъ нашей словесности. Отъ 1800 года до нашего времени идетъ рядъ изданій, переводовъ, изслѣдованій и объясненій Слова. Обширная литература этого памятника—одно изъ самыхъ важныхъ и замѣчательныхъ явленій въ исторіи русской филологической науки Всѣ измѣненія въ направленіи историко-

литературныхъ работъ, всѣ успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній быстро и ясно отражались на изученіи Слова. Нельзя поэтому не признать, что изслѣдованіе литературы Слова представляетъ важную и привлекательную задачу. Занимающіеся изученіемъ Слова должны конечно придавать этой задачѣ еще особую, специальную важность. Въ числѣ трудовъ, посвященныхъ Слову о полку Игоревѣ, есть книги рѣдкія, есть много статей и замѣтокъ, разбросанныхъ по періодическимъ изданіямъ. Обширная литература Слова имѣетъ такимъ образомъ свои неудобства, съ которыми приходится считаться при всякой новой попыткѣ разбора и объясненія памятника. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Слова, г. Вс. Миллеръ, долженъ былъ помѣстить въ предисловіи къ своему труду такую оговорку: „Не имѣя возможности удѣлать много времени вопросу, выходящему собственно за предѣлы его специальности, авторъ долженъ заранѣе просить извиненія, если гдѣ нибудь приводитъ, какъ новое, толкованіе, уже предложенное кѣмъ нибудь раньше его. Изучить все, что когда либо было писано о „Словѣ“, уже само по себѣ представляетъ работу, для которой у автора нѣтъ ни времени, ни, признаться, желанія.“ (Взглядъ на Сл. о полку Иг. П). Подобную же оговорку дѣлаетъ другой изслѣдователь пр. Потебня: „Не вездѣ ссылаюсь на своихъ предшественниковъ, частью потому, что многое стало уже общимъ достояніемъ, частью же потому, что у меня не было возможности ознакомиться съ обширною литературой „Слова“ на столько, чтобы строго отдѣлать свое отъ чужого.“ (Сл. о п. Иг. 1). Ясно поэтому, какъ полезенъ былъ бы такой трудъ, въ которомъ былъ бы рассмотрѣнъ весь послѣдовательный ходъ изучения Слова, — въ которомъ мы могли бы найти обстоятельный инвентаръ всего, что сдѣлано для объясненія памятника въ филологическомъ, литературномъ и историческомъ отношеніяхъ.

Работы гг. Барсова и Смирнова имѣютъ задачей удовлетворить этой именно потребности осмотрѣться и разобраться въ обширной литературѣ „Слова.“

Замѣчаніе о трудности изученія литературы Слова повторяетъ и г. Смирновъ. „По причинѣ трудности, а иногда и невозможности достать все, что писалось о Словѣ, у занимающихся имъ въ настоящее время часто повторяется тоже самое, что и у предшественниковъ“ (стр. 2). Но что же нужно сдѣлать, чтобы прекратить это повтореніе старыхъ погудокъ на новый ладъ? Какъ предохранить новыхъ изслѣ-

дователей Слова отъ кажуцагося плагіата? Библиографическаго обзора, въ которомъ коротко, въ общихъ чертахъ передается содержаніе работъ, посвященныхъ изученію памятника, для этого конечно недостаточно. Для этого нуженъ *сводъ* всего, что сдѣлано для объясненія Слова въ цѣломъ и въ частяхъ. Во второй части своего труда (о которой будетъ рѣчь ниже) г. Смирновъ представилъ опытъ такого именно свода по одному изъ вопросовъ, возбуждаемыхъ изученіемъ Слова, — именно по вопросу о критикѣ текста этого памятника. Въ первой же части сочиненія (заглавіе которой помѣщено въ началѣ нашей статьи) г. Смирновъ имѣлъ въ виду другую цѣль, болѣе скромную. Онъ составилъ и издалъ лѣтопись всего, что было писано о Словѣ: въ хронологическомъ порядкѣ, годъ за годомъ, перечисляются книги и статьи, посвященныя разбору Слова (изданія, переводы и объясненія памятника), или по крайней мѣрѣ заключающія въ себѣ замѣтки о Словѣ; передается коротко содержаніе этихъ книгъ, статей и замѣтокъ. Такая Повѣсть временныхъ лѣтъ могла бы быть безспорно важна и полезна, если бы въ ней не только соблюденъ былъ хронологическій порядокъ, а и выставлена была бы на видъ послѣдовательная смѣна направленій и пріемовъ въ изученіи памятника, — смѣна, стоящая въ связи съ общимъ движеніемъ науки, если бы разграничены были періоды изученія Слова, — періоды, отвѣчающіе общимъ успѣхамъ пониманія старинной литературы. Къ сожалѣнію, въ трудѣ г. Смирнова мы не находимъ такого порядка въ распредѣленіи историко-научнаго матеріала. Важное и неважное, серьезная ученая работа и неудачная компиляція, новое наблюденіе и вздорная догадка идутъ вереницей, ничѣмъ не выказывая своего существеннаго различія. Неудивительно, если при этомъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми странностями. Замѣчаніе объ изданіи и переводѣ Слова Максимовичемъ въ 1859 году заняло меньше страницы (стр. 120); меньше страницы посвящено изданію Слова Буслаевымъ въ „Историч. Христ.“ 1861 г. (стр. 127—128); курьезной же книжкѣ какого-то В. М., который выказываетъ (по замѣчанію же г. Смирнова) „незнаніе самыхъ элементарныхъ правилъ грамматики,“ который „мыслено древо“ „объясняетъ разрѣзомъ головного мозга, представляющаго развѣтвленія, которыя могутъ быть уподоблены вѣтвямъ дерева,“ удѣлено больше мѣста (стр. 166—167). На стран. 148—149 съ одинаковымъ вниманіемъ говорится о двухъ сочи-

неніяхъ, касающихся м. проч. Слова о п. Игор., — о сочиненіи г. Лукашевича („Объясненіе ассирійскихъ именъ“), въ которомъ утверждается, что „упоминаемый въ Словѣ вѣкъ Трояна собственно десятый, а не седьмой,“ что „лѣтосчисленіе наши предки велп отъ Трояна“ и т. п., и о трудѣ пр. Бестужева-Рюмина („О составѣ русскихъ лѣтописей“), въ которомъ данъ новый анализъ лѣтописнаго разсказа объ Игоревомъ походѣ. Г. Смирновъ объясняетъ, впрочемъ, такую неравномѣрность въ распредѣленіи разсматриваемаго имъ научнаго матеріала такъ: „Мнѣніямъ и замѣткамъ второстепенныхъ представителей литературы Слова иногда здѣсь дано больше мѣста, чѣмъ мнѣніямъ первостепенныхъ. Это зависѣло оттого, что съ послѣдними придется опять встрѣтиться въ продолженіи этого труда: мнѣнія ихъ требуютъ разбора, а не одного изложенія и замѣчаній, что только и составляетъ задачу предлагаемаго обзора.“ (стр. 2).

Статья г. Барсова раздѣляется на четыре главы: I. Библиографія предмета—указатель а) изданій, переводовъ и изслѣдованій Слова на русскомъ языкѣ и б) переводовъ и замѣчаній на иностр. яз. II. Общій обзоръ трудовъ, относящихся къ Слову о п. Игоревѣ. Особенное вниманіе обращено на труды первыхъ изслѣдователей Слова—Мусина-Пушкина, Бантыша-Каменскаго, Малиновскаго, Калайдовича, Тимковскаго и др. Г. Барсовъ имѣлъ подъ руками бумаги Малиновскаго, изъ которыхъ и приводитъ кое-какіе отрывки, касающіеся изученія Слова о п. Иг. III. Замѣчанія о „внутреннихъ особенностяхъ языка и склада“ Слова. Г. Барсовъ признаетъ, что въ Словѣ замѣтно вліяніе троякаго рода образцовъ: „воинскихъ повѣстей,“ пѣсенъ Бояна, народнаго пѣснотворчества. „Прежде всего при чтеніи этого литературнаго памятника (т. е. Слова о полку) сказывается воздѣйствіе на него древнихъ византійскихъ и славянскихъ воинскихъ повѣстей, съ рѣчами ихъ героевъ и описаніемъ кровавыхъ сраженій. Какія это были повѣсти—опредѣлить трудно какъ потому, что ихъ вообще мало сохранилось, такъ и потому, что онѣ еще меньше извѣстны и разработаны; во всякомъ случаѣ для разрѣшенія нашего вопроса о поэтическомъ языкѣ Слова позволяемъ себѣ обратить вниманіе на извѣстную повѣсть Юсифа Флавія „о полоненіи Иерусалима“ въ древнемъ сѣ славянскомъ переводѣ. Приводится нѣсколько выраженій переводной по-

вѣсти, напоминающихъ нѣкоторыя мѣста Слова ¹⁾. Что касается склада Слова о п. Иг., то нашъ авторъ держится того мнѣнія, что оно „никогда не бывало произведеніемъ чисто-стихотворнымъ.“ „Въ немъ идетъ поэтическая рѣчь безъ мѣры, и только по мѣстамъ слѣдуютъ правильные, мѣрные стихи.“ Въ концѣ главы помѣщено обзорѣніе стихотворныхъ переложеній Слова. IV. Обзорѣніе иностранныхъ изданій и переводовъ Слова.

Для того, чтобы библиографическій трудъ могъ служить надежнымъ и полезнымъ пособіемъ при ознакомленіи съ литературой какого-нибудь предмета, онъ долженъ удовлетворять требованіямъ точности, полноты и удобства для справокъ.—Эти требованія мы должны предъявить и гг. Барсову и Смирнову.

Начнемъ съ удобства. Г. Барсовъ въ 1-й главѣ своего труда хотѣлъ соединить справочный указатель съ хронологическимъ обзоромъ всей литературы Слова. Имена изслѣдователей, переводчиковъ и издателей размѣщены въ порядкѣ появленія ихъ первыхъ трудовъ, посвященныхъ Слову; но вмѣстѣ съ этимъ первымъ трудомъ перечисляются и всѣ послѣдующіе, касающіеся того же памятника. Хронологія осталась так. обр. не выдержанной; достоинство же указателя, какъ справочнаго пособія, мало, конечно, выиграло отъ такого смѣшаннаго размѣщенія библиографическаго матеріала. Нужно притомъ замѣтить, что указатели г. Барсова редактированы очень небрежно. Невездѣ выдержанъ и указанный выше порядокъ. Погодинъ (1845 г.) названъ послѣ Соловьева (1853) и Мея (1850); Буслаевъ (1842) послѣ Кораблева (1856) и Пыпина (1858). Передъ каждымъ именемъ г. Барсовъ ставитъ №, но иногда подъ однимъ № упомянуты два имени. Такъ подъ № 81 появляется самъ г. Барсовъ, но тутъ же пріютился и г. Алябевъ съ своимъ стихотворнымъ переводомъ Слова. Что касается книги г. Смирнова, то въ ней не сдѣлано ничего для облегченія тѣхъ, кому понадобилось бы отыскать какую-нибудь библиографическую справку относительно Слова о полку. Года, по которымъ размѣщенъ весь собранный г. Смирновымъ матеріалъ, имена авторовъ и названія ихъ сочиненій напечатаны

¹⁾ Кромѣ „Повѣсти о полоненіи Іерусалима,“ сходныя съ Словомъ выраженія г. Барсовъ отыскиваетъ еще въ сочин. Ефрема Сирина.

тѣмъ же шрифтомъ, какъ и весь текстъ книги; при книгѣ нѣтъ ни оглавленія, ни указателя.

Труды гг. Барсова и Смирнова нуждаются въ общемъ алфавитномъ указателѣ именъ издателей, переводчиковъ и изслѣдователей Слова о п. Иг. Такой именно указатель я и помѣщаю здѣсь. Первая цифра, помѣщенная послѣ имени и напечатанная толстымъ шрифтомъ, соотвѣтствуетъ № указателя г. Барсова (№ № указателя русскихъ сочиненій напечатаны арабск. цифр.; № № указателя иностранныхъ переводовъ и статей—цифр. римск.); цифры, напечатанныя болѣе тонкимъ шрифтомъ, указываютъ на страницы сочиненія г. Смирнова.

1. Аксаковъ 40.	25. Вельтманъ 18. 42, 69.
2. Алябьевъ 81 ² . 170.	26. Венелинъ 46. 93.
3. Антоновичъ 177.	27. Веселовскій 85.
4. Арцыбашевъ 40.	28. Вишневскій XIV. 30, 33.
5. Аванасьевъ-Чужбинскій 109.	29. Водозовъ 69. 167.
6. Бантышъ-Каменскій 5.	30. Востоковъ 8. 24.
7. Барсовъ Е. 81. 177, 181.	31. Войцицкій 33.
8. Безсоновъ 58.	32. Вяземскій 87. 96, 179.
9. Белюстинъ 11.	33. Г. Г. 62.
10. Бергъ 44.	34. Гай XXV.
11. Бередниковъ 38.	35. Галаховъ 73.
12. Березинъ 54. 109.	36. Ганка VI ² , XXI. 8, 32.
13. Бестужевъ-Рюминъ 86. 148.	37. Ганушъ VIII.
Бицынъ см. Павловъ.	38. Гаттала XXIII. 32, 117.
14. Бланшардъ XI. 8.	39. Гербель 52. 104, 110, 167.
15. Бодянский 45. 87.	40. Глаголевъ 21. 46.
16. Болтинъ 6.	41. Годабскій XII. 33.
17. Болховитиновъ Евг. 19, 32, 69.	42. Головацкій 109.
18. Больцъ IX. 8.	43. Головинъ 42. 88.
19. Буслаевъ 57. 70, 77, 79, 93, 94, 120, 124, 127, 142, 162.	44. Граматинъ 13. 11, 36.
20. Бутковъ 14. 31, 55.	45. Гушалевицъ XXVII ² . 33.
21. Бѣлевскій XIII. 30, 33.	46. Давыдовъ 20. 51.
22. Бѣликовъ 22. 48.	47. Данилевскій 117.
23. Бѣлинскій 68.	48. Деларю 33. 61.
24. Бѣлаевъ 95, 101.	49. Драгомановъ см. Антоновичъ.
	50. Дриновъ 167.
	51. Дубенскій 37. 71, 81, 112.

- Евгеній М. см. Болховити-
новъ.
52. Екатерина П. 3.
53. Жинзифовъ 33.
54. Загорскій 15.
55. Зедергольмъ VII. 8.
56. Иванчинъ-Писаревъ 61.
57. Иловайскій 84. 126, 169.
58. Калайдовичъ 9. 12, 13, 25,
40.
59. Карамзинъ 7. 4, 24, 40,
111.
60. Карауловъ 72.
61. Карелкинъ 53.
62. Каченовскій 19. 48.
63. Кендзерскій 105.
64. Кешенъ 29.
65. Козловъ 28.
66. Колосовъ 80. 169.
67. Кондратовичъ 33.
68. Кораблевъ 55. 114.
69. Коршъ Ѡ. 64. 146, 183.
70. Костомаровъ 151, 177.
71. Котляревскій 79. 131.
72. Коцебу III.
73. Красинскій XV. 33, 115.
74. Лавровскій Н. 75. 153.
75. Лавровскій П. 59.
76. Левицкій 6. 13.
77. Линде XVII.
78. Лукашевичъ (Łukaszewicz)
30, 33.
79. Лукашевичъ П. 148.
80. М. В. 76. 166.
81. Майковъ А. 71. 156.
82. Майковъ Л. 131.
83. Максимовичъ 27. 43, 57,
60, 84, 110, 111, 115, 120,
149.
84. Магусевъ 65. 143.
85. Малашевъ 77. 164.
86. Малиновскій 5, 7, 181.
87. Мацѣевскій 30, 33, 89.
88. Медичъ XXVII. 33.
89. Мей 48. 95, 113.
90. Миллеръ О. 61. 128.
91. Миллеръ Ѡ. 82.
92. Минаевъ 41. 92.
93. Мицкевичъ XVIII. 66.
94. Мусинъ-Пушкинъ 1. 5, 40.
95. Мюллеръ V. 8.
96. Назаровъ 117.
97. Некрасовъ И. 150.
98. Некрасовъ Н. 66. 145.
99. Огнесловъ-Утѣшиновичъ
105.
100. Павловъ 83. 171.
101. Палицынъ 4. 11.
102. Пассекъ 30.
103. Пекарскій 60. 137.
104. Погодинъ 49. 83, 85.
105. Погосскій 67. 167.
106. Пожарскій 10. 29.
107. Полевой Н. 16. 42, 44, 65.
108. Полевой П. 135.
109. Порфирьевъ 74.
110. Прейссъ 34. 67.
111. Прыжовъ 151.
112. Пушкинъ 26. 53.
113. Пыпинъ 56. 118, 138.
114. Разнай (Рожвай) XX. 32.
115. Раковецкій XVI. 31.
116. Ридль-Сенде (Riedl-Szende)
8, 117.
117. Рихтеръ IV. 8.
118. Румянцевъ С. 16.
119. Руссовъ 23. 55.
120. Сабина XXIV.
121. Сахаровъ 32. 62.
122. Свѣтичъ XXV. 33.

123. Селивановскій 40.	134. Туловъ 51. 102.
124. Сенковскій 24. 52, 60, 89,
92, 107.	135. Филоновъ .
Хаджичъ см. Свѣтичь.
Скромненко см. Строевъ С.	136. Шафарикъ 36.
125. Снегиревъ 31. 61, 65.	137. Шевыревъ . 70, 85.
126. Соловьевъ 47. 96.	138. Шишковъ 3. 8, 30.
127. Срезневскій 50. 115.	139. Шляревскій 17.
128. Стоюнинъ 70. 133.	140. Шлёцеръ II. 4, 7, 40.
129. Строевъ П. 23, 47.	141. Эвштейнъ X. 8.
130. Строевъ С. 25. 41, 56.	142. Эрбень XXI. 32, 151.
131. Сѣряковъ 2. 8.	143. Эрдманъ 35. 70.
132. Тимковскій 13, 65.	144. Юнгманъ 19. 8, 32.
133. Тихонравовъ 63. 138,
146.	145. Ягичъ 163.
	146. Язвицкій 5. 12.

Гг. Барсовъ и Смирновъ упоминаютъ еще нѣсколько статей и замѣтокъ неизвѣстныхъ авторовъ. См. въ указателѣ г. Барсова № № 12, 39, 68, VI; въ сочиненіи г. Смирнова стран. 40, 41, 66, 92, 95, 101, 103, 104, 105, 109, 110, 111, 114, 115, 116, 117, 142, 146, 167 ¹⁾.

Что касается полноты разсматриваемыхъ нами библиографическихъ трудовъ, то помѣщенный выше перечень уже указываетъ отчасти на нѣкоторые ихъ недостатки въ этомъ отношеніи. Въ перечнѣ мы находимъ нѣсколько именъ, указанныхъ г. Барсовымъ, но пропущенныхъ г. Смирновымъ, и наоборотъ. Г. Барсовъ пропускаетъ имена Арцыбашева, М. Евгенія Болховитинова, Бѣлинскаго, Войцицкаго, Головацкаго, Данилевскаго и др. Г. Смирновъ не упоминаетъ Аксакова, Бередникова, Коцебу, Линде, Шафарика и пр. Есть, наконецъ, труды, которые могли бы найти себѣ мѣсто въ библиографическомъ обзорѣ литературы Слова о п. Иг., но которые не названы ни г. Барсовымъ, ни г. Смирновымъ. Я отмѣтилъ нѣсколько такихъ пропусковъ.

¹⁾ Нѣкоторыя изъ анонимныхъ рецензій въ „Извѣстіяхъ 2 отд. акад. наукъ“ принадлежатъ покойному академику И. И. Срезневскому. (См. Библиогр. перечень сочиненій Срезневскаго, составл. акад. Бычковымъ, № № 136, 177).

Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 3 тома (1865—1869). Въ этомъ обширномъ трудѣ есть много замѣчаній по поводу разныхъ мѣстъ Слова о п. Иг. См. указатель подъ слов. Боянъ, Волось, Дажь-Богъ, Стрибогъ, Хорсь, Обида и пр.

Галаховъ. Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и русскаго языковъ, т. 1-й (М. 1848), стр. 53, № 14: „Слово о полку Игоревѣ,“ (отрывки, по изд. Дубенскаго).

Георгіевскій. Руководство къ изученію русской словесности, ч. 4-я. Исторія литературы (Пб. 1836). Гл. V, стр. 150—156: „о пѣсни Игоревой и старинныхъ повѣстяхъ.“

Гречъ. Учебная книга російской словесности, 4 части, Пб. 1819—1822. Въ 1-й ч. (стр. 342—346) „изложеніе содержанія и слога“ Слова о п. Иг. (изъ Карамзина); въ 4-й ч. — „Опытъ краткой исторіи русской литературы“ („по желанію нѣкоторыхъ почтенныхъ особъ“ Опытъ былъ изданъ и отдѣльно, Пб. 1822): гл. 1, отд. 2, § 22, А 8: замѣчанія о Словѣ. Исторія литературы Греча переведена была на польскій яз. и издана съ примѣчаніями Линде („*Rys historyczny literatury Rosyjskiej*“ 1823); къ переводу присоединены „*Dodatki*“ (переводы статей Карамзина, Кеппена и др., также съ примѣчаніями Линде). Изъ примѣчаній, относящихся къ Слову о п. Иг., любопытно одно: по поводу словъ: „конецъ копія въскрѣмлени“ Линде говоритъ: „это напоминаетъ нашихъ Курпиковъ (*Kurpików*, названіе стрѣлковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши), которые привѣшиваютъ для дѣтей хлѣбъ на высокой вѣткѣ, откуда тѣ могутъ достать его себѣ только выстрѣломъ изъ лука“ (*Dodatki*, стр. 382). Гречу принадлежатъ еще „Чтенія о русскомъ языкѣ“ (2 ч. Пб. 1840): на стр. 166—171 второй части—замѣчанія (незначительныя) о Сл. о полку.

Delaveau. Статья о Словѣ въ *Revue des Deux-Mondes* (15 déc. 1854), по поводу нѣм. перевода Больца (указ. *Rambaud*, *La Russie épique*, р. 196).

Дидицкій. Русскій стихотв. переводъ, помѣщенный въ львовскомъ журналѣ „Пчела“ 1849 г. (указ. *Оооновскимъ* въ его изд. Слова о п. Иг., стр. XL).

Дубенскій. „Г. Дубенскій (въ своемъ „Опытѣ о народномъ русскомъ стихосложеніи,“ 1828) полагаетъ, что П. И. сложена изъ правильныхъ стиховъ-гекзаметровъ“ (*Максимовичъ*, сочин. III, 561).

Jirecek Jos. und Herm. Die Echtheit der Königinhofer Handschrift (1862). На стр. 135 г. Смирновъ приводитъ замѣчанія г. Полеваго, сдѣланныя на основаніи книги Иречковъ. Книга эта, имѣющая значеніе при изслѣдованіяхъ Слова о п. Иг. (ср. *Миллеръ*, Опытъ ист. обзор. р. словесности стр. 357, 361, примѣч.), заслуживала бы особаго упоминанія.

Карамзинъ. Въ 1801 г. онъ составилъ нѣсколько статей для „Пантеона російскихъ авторовъ.“ Изъ числа этихъ статей одна посвящена Бояну (Сочин. т. 1, стр. 563—564).

Касторскій. Изданіе Слова („Краледворская рукопись и Слово о полку Игоревѣ,“ Прага, 1838). Указаніе на эту книгу я встрѣтилъ въ сочиненіи г. Стороженка: „Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописей,“ гл. III, § 3-й.

Кухарскій. Причудливыя соображенія его относит. Трояна указаны въ книгѣ Огоновскаго. „Онъ хотѣлъ доказать, что Троянъ, котораго имя упоминается въ Словѣ,—это Траянъ, римскій военачальникъ временъ импер. Валента, побѣжденный Готами въ 367 г. Кухарскій предполагаетъ, что тогда не одни Готы, а и славяне въ союзѣ съ ними, можетъ быть даже одни славяне побороли Римлянъ, а потому съ этого года стали считать новую эру“ (*Огоновскій*, стр. 106).

Пенинскій. Славянская христоматія или избранныя мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія. (Пб. 1828), стр. 510—516 „Изъ Слова о полку Игоря“ (отрывки текста съ примѣчаніями по изд. *Шшикова*).

Плаксинъ. Руководство къ познанію исторіи литературы (Пб. 1833), стр. 129—132, § 18: Слово о полку Игоря.

Плетершникъ. Переводъ Слова на словинское нарѣчье, помѣщ. въ Programm des Gymnasiums zu Cilli am Schlusse des Schuljahres 1865 (Указ. *Огоновскимъ*, стр. XLI).

Филаретъ. Обзоръ § 37.

Шафарикъ. Въ указателѣ г. Барсова упомянуто „Славянское народописаніе“ въ переводѣ *Бодянскаго* (М. 1843). Въ этой книгѣ (стр. 16) дѣйствительно есть упоминаніе о Словѣ, но нужно отмѣтить то измѣненіе, которое сдѣлано здѣсь переводчикомъ. Максимовичъ писалъ Погдину: „Меня одно удивило, отъ чего въ Шафариковомъ народописаніи, переведенномъ Бодянскимъ, пѣснь Игорю отнесена къ

концу XIV вѣка? Не опечатка ли это, которую повторяет и Дубенскій? По крайней мѣрѣ въ Чешскомъ подлинникѣ (2-го изданія на стр. 18) написано: въ концѣ XII столѣтія. — „Ты спрашиваешь меня, отвѣчалъ Погодинъ, почему въ переводѣ Шафарикова народописанія Слово о полку Игоревѣ отнесено къ 14 вѣку. Это загадка, о коей долженъ отвѣчать тебѣ переводчикъ.“ (Москвитянинъ, 1845 г., ч. II, „науки,“ стр. 5, 10. Ср. *Максимовичъ*, соч. III, стр. 484). Есть еще упоминаніе о Словѣ у Шафарика же въ *Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (Ofen, 1826), стр. 150.

Шевченко. Переложеніе въ стихахъ Плача Ярославны (двѣ ред.) и описанія битвы („съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каменя“....). См. „Кобзарь“ (Прага, 1876), стр. 358, 361, 362.

Точность библиографическихъ показаній можетъ быть вполне оцѣнена только послѣ многихъ справокъ и долгой провѣрки. Я не брался, конечно, за такой трудъ относит. сочиненій гг. Барсова ¹⁾ и Смирнова. Поэтому ограничусь только двумя общими замѣчаніями. А) Въ библиографическихъ сочиненіяхъ, мнѣ кажется, совершенно неумѣстна русская транскрипція именъ иностранныхъ писателей. Имена эти должны выписываться вполне точно, — такъ, какъ они изображены на страницахъ тѣхъ трудовъ, которые упоминаются въ библиогр. обзорѣ. Гг. Смирновъ и Барсовъ не всегда придерживаются этого правила. Б) Печатаніе библиографическихъ трудовъ требуетъ особеннаго вниманія. Опечатки, досадныя во всякаго рода изданіяхъ, въ библиографическихъ сочиненіяхъ представляются важнымъ, существеннымъ недостаткомъ. Къ сожалѣнію, статья г. Барсова и книга г. Смирнова не могутъ похвалиться корректурной исправностью. Вотъ примѣры: „*Мей*: Слово о полку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова, въ стихотворномъ переводѣ, въ *Москвитянинъ* 1860, № 22; отдѣльно издано въ С.-Петербургѣ, 1856.“ (Барсовъ № 48). Въмѣсто 1860 чит. 1850 (Смирновъ стр. 95, 113). — „Шлёцеръ: *Göttingische gelehrte Anzeigen* (!) 1810, St. 203.“ (Барсовъ № II). Въмѣсто 1810 чит. 1801. Второе изданіе „Опыта историч. обзорѣнія русской словесности“ Ор. Оед. Миллера отнесено въ книгѣ г. Смирнова (стр. 128) къ 1765 году.

¹⁾ Пр. Колосовъ указалъ, что его мнѣніе о языкѣ Слова передано г. Барсовымъ неточно. (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. № 12, стр. 315—316).

II.

Обозрѣніе литературы Слова о полку Игоревѣ, сдѣланное гг. Барсовымъ и Смирновымъ, доведено до 1876 г. Изданія и изслѣдованія Слова продолжали, конечно, появляться и въ слѣдующіе за тѣмъ года: въ 1876—1880 гг. литература Слова обогатилась нѣсколькими немаловажными трудами. Поэтому мнѣ показалось дѣломъ не бесполезнымъ составить библиографическій обзоръ литературы Слова за указанное время. Продолжаю лѣтопись, начатую г. Смирновымъ.

1876.

Ом. Огоновскій. Слово о полку Игоревѣ. Поетичный памятник русскої письменности XII вѣку. Текст с перекладом и с поясненьями. Львовъ. 1876. Совершенно вѣрную характеристику этого труда представилъ самъ г. Огоновскій въ концѣ своихъ „предварительныхъ замѣтокъ.“ — „Въ своемъ изданіи, говоритъ онъ, я пользовался всѣми комментаріями этой пѣсни, какіе явились отъ 1800 г. Трудъ мой былъ конечно не малый, такъ какъ я старался извлечь изъ нагроможденнаго матеріала всѣ цѣнныя замѣтки и дополнить ихъ своими поясненіями. Этимъ я вовсе не думаю утверждать, будто бы я установилъ нѣкоторыя новыя воззрѣнія въ оцѣнкѣ этого памятника; моимъ намѣреніемъ было только то, чтобы приложить къ изученію Слова новѣйшую филологическую науку, при чемъ я старался также—самостоятельно объяснить нѣкоторыя непонятныя выраженія и темныя мѣста. Въ установленіи текста я старался быть консервативнымъ: поправку я допускалъ только тамъ, гдѣ дошедшій до насъ текстъ не давалъ надлежащаго смысла.... Больше, можетъ быть, смѣлости въ томъ моемъ заявленіи, что я нѣкоторыя мѣста Слова считаю глоссами позднѣйшихъ грамотѣевъ.“ (стр. XLIII). Въмѣсто „летая *умомъ* подь облакы“ г. Огоновскій читаетъ: „лѣтая *орломъ* подь облакы;“ вмѣсто „свистъ звѣринъ въ стази; дивъ кличетъ“ — „свистъ звѣринъ вѣсталъ и Дивъ кличетъ;“ вм. „подобію“ — „по лозію“ и т. под. Всѣ такого рода поправки текста означены въ изданіи особымъ шрифтомъ, при чемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приводятся чтенія перваго изданія и списка Екатерининскаго. Глоссами г. Огоновскій считаетъ слѣдующія мѣста: „съ тояже Каялы Святоплѣкъ *повелъ яти* отца своего между оугорьскими иноходцы ко святѣй Софии въ Кыеву;“ „давеча“ („что ми звенить давеча“....); „и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени

Ярославля, Ольгова, когана хоти;“—,побарая за христьяны на поганя плъкы. Княземъ слава а дружинѣ! Аминь.“—Рядомъ съ текстомъ помѣщенъ переводъ. Что касается объясненій г. Огоновскаго (слѣдующихъ за текстомъ), то самая цѣнная ихъ часть—замѣчанія о синтаксическомъ строѣ Слова о полку Иг. Изданію предпослано обширное введене: I. Нѣсколько словъ о русскомъ просвѣщеніи въ XII вѣкѣ; II. Разказъ лѣтописцевъ о походѣ Игоря; III. Содержаніе Слова; IV. Важность Слова со стороны исторической; V. Поэтическая сторона Слова; VI. Нѣсколько замѣтокъ объ авторѣ слова; VII. Характеристика Игоря; VIII. Слово есть произведеніе совершенно оригинальное; IX. Языкъ Слова; X. Украшенія Слова („Порівнанье твердяче, порівнанье заперечаюче, порівнанье твердячо—заперечаюче,“ т. е. сравненіе положительное, отрицательное и пр., метафоры, гиперболы); XI. Форма Слова; XII. Исторія открытія Слова; XIII. Изданія и переводы Слова. Для ознакомленія со взглядами г. Огоновскаго на литературное значеніе Слова особенно важны главы V, VI, VIII и XI. Въ Слово о полку Игоревѣ нужно различать поэтическіе элементы взятые изъ народной поэзіи, заимствованныя отъ древнѣйшихъ пѣвцовъ, преимущественно отъ Бояна, и наконецъ—явившіеся какъ плодъ творческой силы самаго автора Слова (стр. XII). Авторъ Слова—современникъ похода, человекъ свѣтскій (стр. XIII—XIV). Г. Огоновскій не соглашается съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго, который находитъ въ Слово слѣды вліянія классическихъ преданій. По мнѣнію Львовскаго ученаго, Слово—,памятникъ совершенно оригинальный; оно не выказываетъ слѣдовъ вліянія византійской свѣтской литературы на русскую словесность XI—XII вв. Въ эти вѣка византійство представляло собою принципъ теологическій, а потому свѣтская словесность могла тогда у насъ развиваться самостоятельно.“ Не соглашается г. Огоновскій и съ Булаевымъ, который видитъ въ Слово нѣкоторые признаки поэзіи скандинавской (стр. XVII—XVIII). Авторъ Слова не стѣснялъ себя правилами метрики. Нѣкоторый ладъ замѣчается почти вездѣ, но правильный рѣзъ можно находить только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Можно допустить, что Слово пѣлось (стр. XIX—XX). Въ концѣ книги—указатель объясненныхъ словъ.—Стоитъ пожалѣть, что г. Огоновскій написалъ свою книгу не на общерусскомъ литературномъ языкѣ, а на мѣстномъ галицкомъ нарѣчій: полезный трудъ сдѣлался такимъ образомъ не легко доступнымъ для массы русскихъ читателей.

А. Скульскій. Слово о полку Игоревѣ. Переложеніе въ стихахъ съ историч. примѣчаніями. Ярославль. 1876.

A. Rambaud. La Russie épique, étude sur les chansons héroïques de la Russie. Paris. 1876. 2-ème partie, ch. 1-er: La chanson d'Igor (стр. 195—223). Сначала даны предварительныя свѣдѣнія—объ открытіи Слова, объ изданіяхъ и объясненіяхъ памятника, о событіи, которое разсказывается въ Словѣ, о формѣ Слова. Затѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ памятника: многія мѣста переданы въ близкомъ переводѣ. Далѣе—разсужденіе о замысленіи Бояни и о былинахъ сего времени: сравненіе Слова съ лѣтописными разсказами о походѣ Игоря; мѣтологія Слова. „То, что отличаетъ Слово о п. Иг., замѣчаетъ въ заключеніе г. Рамбо, отъ всѣхъ почти произведеній того же рода, это—личный характеръ, который отпечатлѣлъ въ своемъ произведеніи неизвѣстный поэтъ. Онъ безпрестанно прерываетъ свой разсказъ то для того, чтобы ввести воспоминаніе о Боянѣ, то для того, чтобы заявить о своемъ удивленіи или о своей скорби... Имѣя въ виду массу національныхъ преданій, которыя сосредоточены въ этой повѣсти, можно сказать, вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ, что авторъ Слова хотѣлъ дать произведеніе, представляющее интересъ для всей Руси, произведеніе, имѣющее въ нѣкоторомъ родѣ пан-русскій характеръ, какъ Иліада имѣетъ характеръ пан-элинскій.“ (стр. 220—221). То, что говоритъ французскій ученый о Словѣ, имѣетъ значеніе реферата, составленнаго на основаніи сочиненій, явившихся до 1876 года. Г. Рамбо и не имѣлъ въ виду представить въ своей книгѣ опытъ новаго, самостоятельнаго изслѣдованія памятниковъ русской былевой поэзіи; онъ хотѣлъ только дать своимъ читателямъ общій очеркъ одной изъ „восточныхъ литературъ“ (книга г. Рамбо представляетъ 1-й томъ изданія, имѣющаго общее заглавіе: „Les littératures de l'Orient“).

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Часть первая. Кіевскій періодъ. (Москва 1876). О Словѣ о п. Иг. стр. 263—269 и 327, примѣч. 72. „Относительно рѣки Каялы (замѣчаетъ г. Иловайскій), на берегахъ которой происходила главная битва по Слову о п. Иг. и по Екатер. списку, въ настоящее время трудно опредѣлить, какая это именно рѣка. Карамзинъ считалъ ее Кагальникомъ, который впадаетъ въ Донъ съ правой стороны, повыше Донца. Но это пока гадательное предположеніе. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно думать, что главная

битва происходила гдѣ-то ближе къ Азовскому морю или къ Лукоморью, какъ его въ лѣтописи называютъ Сѣверскіе князья.

Jagic. Gradja za historiju slovenske narodne poezije. (Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Kn. XXXVII. Zagrebъ. 1876). Русскій переводъ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ г. Задерацкаго, годъ 3-й (Кіевъ, 1878). Краткое, не имѣющее значенія извлеченіе въ „Памятникахъ древней письменности“ 1878—1879, стр. 32—45.—Слово о п. Иг. можно назвать и старинной юр. думой, и юр. былинной. „Если скажемъ, что „Слово“—дума, то этимъ признаемъ его ближайшую связь въ манерѣ поэтическаго творчества съ позднѣйшими думами.... Если скажемъ, что „Слово“—былина, то этимъ обозначимъ его значеніе и положеніе въ юр. литературѣ и вмѣстѣ выразимъ, что Слово.... еще очень родственно съ сѣверовосточными былинами, во всякомъ случаѣ родственнѣе позднѣйшихъ думъ.“ Въ „Словѣ“ важны намеки, хотя и нѣсколько темные, на поэтическія сказанія Владимірова цикла („Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Взадиміра....). Въ Древней рус. литературѣ „Слово“ не стояло одиноко: было не мало памятниковъ такого же характера.

1877.

Вс. Миллеръ. Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. (М. 1877). Первые изслѣдователи Слова, какъ памятника литературнаго, прилагали къ изученію этого старорусскаго произведенія опредѣленія господствовавшей тогда литературной теоріи.хлопотали о томъ, къ какому роду эпическихъ произведеній слѣдуетъ отнести Слово; опредѣляли свойства слога—простоту, возвышенность, краткость, живость и т. п. До общахъ историческихъ основъ эпоса, до условій развитія поэтическихъ явленій не добивались. Роды и виды поэтическихъ памятниковъ, особенности поэческаго слога понимались какъ что-то готовое, какъ правила почему-то обязательныя для поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. При такомъ способѣ изученія въ Словѣ о п. Иг. не многое, конечно, объяснялось. Неудачны были и общія филологическія соображенія о языкѣ Слова. Больше успѣха имѣли только тѣ, которые ограничивались или объясненіемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій памятника, или изученіемъ исторической стороны Слова. Въ 30-хъ го-

дахъ выступаютъ писатели, принадлежащіе къ такъ назыв. скептической школѣ. Ихъ критика коснулась и Слова о п. Иг. Неудачныя попытки литературнаго и филологическаго изученія давали достаточно матеріала для такой критики. Скептикамъ не удалось, конечно, подорвать подлинность разбиравшихся ими памятниковъ; но они успѣли обнаружить недостаточность господствовавшаго до тѣхъ поръ изученія старой литературы. Обозначилась потребность новаго изученія. Первымъ вѣстникомъ такого изученія относит. Слова о п. Иг. явились работы Максимовича. Но въ этихъ работахъ новое направленіе не назвало еще ясно своего имени, не опредѣлило своихъ особенностей. Точная постановка новаго способа изученія Слова о п. Иг. принадлежитъ Буслаеву. Въ 1845 г. Буслаевъ, тогда еще молодой ученый, выступилъ съ рецензіей на изданіе Дубенскаго. „Издатели Слова о п. Иг., писалъ онъ, до сихъ поръ обращали вниманіе только на объясненіе отдѣльныхъ выраженій и на доказательство подлинности памятника, не касаясь внутренняго его содержанія... Отношеніе Слова къ народной поэзіи и повѣрьямъ взялъ въ достаточное соображеніе только Максимовичъ. О томъ же, какъ понимали это произведеніе наши предки, никто изъ комментаторовъ и не подумалъ... Существенный недостатокъ изданія г. Дубенскаго, а вмѣстѣ и всѣхъ предшествовавшихъ— тотъ, что мало было обращено вниманія на отношеніе Слова къ нашей древней мифологіи и народнымъ повѣрьямъ... Слово о п. Иг. хотя и принадлежитъ къ такому уже времени, когда христіанство не только распространилось, но и утвердилось въ народѣ; однако это произведеніе носить на себѣ всѣ признаки язычества. Народная мифологія является въ немъ не такъ, какъ греческая и римская въ одѣ Ломоносова или въ поэмѣ Хераскова, т. е. не риторическимъ украшеніемъ, а дѣйствительнымъ вѣрованіемъ; язычество долго оставалось въ народѣ, долго христіане были двувѣрными; стихія языческая удержалась въ жизни народной даже доселѣ... Кромѣ мифологіи въ поэзію этого памятника вошли еще два элемента—преданіе и исторія. Историческая часть Слова достаточно объяснена комментаторами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ущербъ поэтической или баснословной... Если историческій фактъ далъ содержаніе слову о п. Иг., то поэтическія преданія были сочинителю вдохновеніемъ, ибо Боянъ замѣняетъ ему Гомеру музу; мифологическія же повѣрья составляютъ душу этого произведенія, потому что вѣщее предзнаменованіе, оправданное гибелью

дружины Игоревоу, есть идея всего Слова, такъ что всѣ части онаго истекають изъ этой идеи, и сонъ Святослава, и обращеніе къ князьямъ, и плачь Ярославны.“ (Москвит. 1845 г., ч. 1, крит. стр. 29—35). Новое направленіе, выступившее такъ бодро, скоро принялось, росло и дало плоды. Плоды эти, безспорно, чрезвычайно важны. Поэтическое значеніе Слова, связь этого памятника съ произведеніями народной словесности только теперъ были внимательно разсмотрѣны и достаточно оцѣнены. Но и въ этомъ способѣ изученія памятниковъ словесности оказалась слабая сторона. Собирая вездѣ остатки народно-поэтической старины, отыскивая обломки мифологическаго и героическаго эпоса, изслѣдователи разсматриваемаго направленія какъ-то мало обращали вниманія на смѣшанный характеръ тѣхъ памятниковъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, слишкомъ мало давали цѣны тѣмъ постепеннымъ перемѣнамъ, которымъ долженъ былъ подвергаться народный эпосъ, тѣмъ разнообразнымъ вліяніямъ и наносамъ, которые должны были имѣть мѣсто въ исторіи народной поэзіи. То, что было только передачей изучаемаго поэтич. матеріала, считалось часто своимъ историческимъ добромъ, благопріобрѣтенное выдавалось за родовое.—Опять почувствовалась потребность установить иные, болѣе точныя приемы изученія старинной словесности. Стали появляться труды, въ которыхъ критически разсматривается составъ народно-эпическаго матеріала, опредѣляется литературная исторія памятниковъ старинной поэзіи. (Указанная смѣна направленій въ изученіи р. литературы стояла, конечно, въ связи съ движеніемъ европейской науки: изслѣдованія мифологическаго направленія опирались преимущественно на труды бр. Гриммъ; рѣшительный толчокъ къ изслѣдованіямъ литературно-историческимъ данъ былъ трудами Бенфея).—Должна была дойти очередь и до Слова о полку Иг. Слѣды литературныхъ, книжныхъ вліяній въ Словѣ о полку замѣчены были давно, но въ пору мифологическихъ увлеченій на это наблюденіе какъ-то мало обращалось вниманія. Въ книгѣ кн. Вяземскаго и въ указанной выше статьѣ г. Барсова признаки новаго изученія выказались уже довольно рѣшительно. Кн. Вяземскій отыскивалъ въ Словѣ слѣды вліянія троянскихъ сказаній; г. Барсовъ указывалъ на вліяніе „воинскихъ повѣстей,” въ родѣ переводной повѣсти „о полоненіи Іерусалима.“ Но разсужденія кн. Вяземскаго облечены нѣкоторымъ туманомъ, а г. Барсовъ довольно неловко поставилъ свое мнѣніе о воинскихъ повѣстяхъ. („Прежде всего

при чтеніи этого литературнаго памятника сказывается воздѣйствіе на него древнихъ византійскихъ и славянскихъ воинскихъ повѣстей.“ Воздѣйствіе, сказывающееся при чтеніи прежде всего, бросающееся въ глаза.... Такъ можно говорить только о литературныхъ явленіяхъ хорошо извѣстныхъ, особенности которыхъ достаточно опредѣлены. Оказывается между тѣмъ слѣдующее: „какія это были повѣсти, опредѣлить трудно какъ потому, что ихъ вообще мало сохранилось, такъ и потому, что онѣ еще меньше извѣстны и разработаны.“ Съ полной ясностью потребность новаго пересмотра Слова о п. Игореѣ выразилась въ вопросахъ, помѣщенныхъ въ программѣ 4 го археол. съѣзда: „Было ли Слово о полку Игореѣ произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, въ послѣдствіи записаннымъ прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени?“

„Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о п. Иг., русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Бояна можетъ быть объяснено инымъ образомъ?“

„Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ въ Словѣ о п. Иг. выводить, что авторъ былъ проникнутъ языческимъ міровоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найти иное объясненіе?“

Книга г. Всеволода Миллера представляетъ отвѣтъ на эти вопросы. То мнѣніе, что Слово было прежде пѣснью, что оно только позже записано было какимъ то книжникомъ представляется г. Миллеру „не выдерживающимъ ни малѣйшей критики.“ „оно опирается на названіе *пѣснь*, которымъ обозначаетъ авторъ свое произведеніе и на нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ подозрѣваютъ стихи. Но если авторъ и называетъ свое произведеніе пѣснью, то тутъ же называетъ его *поѣтство*, и во всякомъ случаѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы эта *пѣснь* или повѣсть когда нибудь пѣлась“ (стр. 4). Въ Словѣ о полку Игореѣ приводится больше 30 княжескихъ именъ, упоминается мимоходомъ много историческихъ событій. Возможно ли предположить, что эти упоминанія могли остаться не искаженными при устной передачѣ? „Неужели впродолженіе одного поколѣнія не перепутались, не исказились имена болѣе тридцати князей, упоминавшихся въ пѣсни, неужели всякій изъ пѣвцовъ такъ же твердо помнилъ всякое имя, всякое отчество, всякое обстоятельство изъ жизни князей, какъ

самъ авторъ?“ (стр. 5). Въ Словѣ слѣды метра замѣтны только кое-гдѣ. Предполагаютъ, что стихъ разложился при позднѣйшей передачѣ. Для сравненія указываютъ при этомъ на прозаическіе пересказы былинъ. „Но можно ли здѣсь видѣть какую нибудь аналогію? Если былина рассказывается прозой, это значитъ, что рассказчикъ позабылъ стихъ и передалъ только его содержаніе, какъ умѣлъ. Но можно ли предположить тоже самое о книжникѣ, якобы записавшемъ прозою пѣснь Игореву? Конечно нѣтъ. Еслибы онъ позабылъ складъ пѣсни, не помнилъ стиховъ, а только передавалъ содержаніе, то долженъ былъ бы позабыть и массу подробностей, забываемыхъ гораздо легче, долженъ бы былъ перепутать имена, отчества и т. д. Если же напротивъ онъ хорошо помнилъ пѣснь—а въ этомъ трудно сомнѣваться—то пѣсенный складъ сохранился бы гораздо ярче, нежели въ текстѣ, который мы имѣемъ передъ глазами, и стихъ пробивался бы не въ двухъ-трехъ мѣстахъ, а гораздо чаще. Так. обр. разбираемая гипотеза вводитъ насъ въ дилемму, изъ которой мы не видимъ исхода“ (стр. 7).

Авторъ Слова совсѣмъ не похожъ на народнаго пѣвца. „Вмѣсто дѣтской наивности, навязываемой ему нѣкоторыми учеными, находимъ всюду мысль человѣка вполне развитаго для своего времени, представителя и поборника политической идеи, сознававшейся далеко не всѣми князьями этого періода, идеи о необходимости забыть вѣчныя распри и дружно сплотиться для отпора поганыхъ.“ „Языческое міровоззрѣніе видятъ въ именахъ языческихъ божествъ.... Эти имена встрѣчаются у него въ нѣкоторыхъ украшающихъ эпитетахъ, какъ достояніе поэтического языка, и заключать отсюда о язычествѣ автора было бы такъ же произвольно, какъ еслибы кто нибудь утверждалъ, что Державинъ вѣрилъ въ бога Лели, котораго упоминаетъ въ пѣсняхъ. Можно ли думать, чтобы авторъ, приписывающій спасеніе Игоря изъ плѣна помощи Бога и упоминающій о Богородицѣ Пирогощей, вѣрилъ въ тоже время въ происхожденіе князя отъ Дажь-бога или Бояна отъ Велеса?“ (стр. 9—10). Общее заключеніе получается такое: „Слово—произведеніе книжное,... авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный.... Онъ написалъ его, но не пѣлъ... Какъ произведеніе книжное, оно (Слово) должно носить признаки литературы ему современной, обнаруживать въ авторѣ знакомство съ книжной словесностью.... Прежде чѣмъ указывать аналогіи для поэтическихъ оборотовъ Слова въ народныхъ былинахъ и малорусскихъ думахъ слѣдуетъ поэтому искать ихъ въ

книжной словесности.“ (стр. 11). Но какія же это книги, вліяніе которыхъ могло сказаться на Словѣ о полку Иг.? „Отыскивая произведенія, аналогичныя Слову, естественно остановиться на отдѣлѣ старинныхъ „повѣстей,“ „исторій“ и „сказаній,“ въ родѣ исторіи Александра Македонскаго, о Троянской войнѣ, о Дѣяніи Девгеніевѣ, повѣсти о Соломонѣ и т. п.“ (стр. 12). Авторъ „Взгляда“ посвящаетъ цѣлую главу (2-ю) разбору одной изъ такихъ повѣстей, им. повѣсти о Дигенисѣ. Г. Миллеръ вовсе недумаетъ, что эта именно поэма о Дигенисѣ имѣла вліяніе на Слово о полку Иг.; вліяніе имѣлъ вообще тотъ родъ произведеній, къ которому принадлежитъ и Дигенисѣ. „Понятно, что дѣло идетъ не о содержаніи Слова, а о формѣ, о поэтическомъ языкѣ, т. е. о томъ, въ чемъ авторъ могъ подражать другимъ“ (стр. 51). Указываются черты сходства Слова и поэмы о Дигенисѣ, отмѣчаются вообще признаки книжности въ литературной манерѣ Слова.

Но литература византійская вліяла на русскую не прямо: вліяніе это „шло чрезъ юго-славянскую среду, которая должна была оставить свою окраску, пересылая византійскія произведенія на русскую почву“ (стр. 69). Есть ли въ Словѣ о полку слѣды этого литературнаго посредничества юго-славянства? Есть ли доказательства, что „образцами ему служили византійскія произведенія, воспринявшія болгарскую окраску?“ (стр. 70). „Нечего и говорить, оговаривается опять авторъ „Взгляда,“ что подобные слѣды можно искать не въ исторической части Слова, а только въ томъ, что можетъ быть вообще названо замышленіемъ Бояна... Къ этимъ замышленіямъ относится вся мифологія Слова и нѣкоторые темные намеки на какого-то Трояна, на дѣву Обиду, на дива и нѣк. друг.“ (стр. 71). Слѣдуетъ разборъ мифологіи Слова. Сопоставивъ мѣста Слова, въ которыхъ упоминается Дажь-богъ, г. Миллеръ приходитъ къ заключенію, что „внукомъ Дажь-бога называется князь.“ „Неужели, спрашиваетъ онъ, могъ авторъ, человекъ начитанный и близкій ко двору, знавшій столько князей и конечно ихъ генеалогію, серьезно думать, что предкомъ нашихъ князей былъ не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владиміръ святой, а солнечный богъ Дажь-богъ? Для насъ по крайней мѣрѣ это совершенно невѣроятно и въ такомъ эпитетѣ князя мы не видимъ мифологіи, какъ не находимъ ея въ... княжескихъ титулахъ *свѣтъ свѣтлый* и *солнце*. Никто не отрицаетъ того, что Дажь-богъ было именемъ солнечнаго бога; слѣдовательно внукъ Дажь-бога значитъ потомокъ солнца, *солнце-родный*. Этотъ эпитетъ со-

отвѣтствуетъ византійскому ἡλιογέννητος—*рожденный солнцемъ* и заключаетъ не больше мнѳологiи, нежели послѣднiй въ византiйскомъ романѣ о Дигенисѣ“... (стр. 75). О Дажь-богѣ, какъ божествѣ русскихъ славянъ, извѣстно очень мало. „Это имя, помимо „Слова“ и Несторовой лѣтописи, упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатской, во вставкѣ изъ греческой хроники Малалы. Дажь-богъ переводъ греч. ἥλιος. Составитель русской лѣтописи пользовался не греческимъ текстомъ византiйскаго хронографа, а его славянскимъ, болгарскимъ переводомъ, и Дажь-богъ по всей вѣроятности долженъ быть отчисленъ на счетъ этого древняго перевода, относимаго къ X вѣку, когда языческiя вѣрованiя были еще свѣжи у Славянъ. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленiе Дажь-бога въ Словѣ? *Внукъ Дажь-божь* могло быть болгарской передачей византiйскаго эпитета, приданнаго въ какомъ-нибудь византiйскомъ произведенiи какому-нибудь мнѳическому или историческому лицу. Дажь-богъ былъ подставленъ на мѣсто Гелиоса или Феба. Въ свою очередь авторъ Слова, найдя этотъ эпитетъ въ болгарскомъ произведенiи воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета, и украсилъ имъ своимъ князей.“ (стр. 76—77). Подобнымъ же обр. разсматриваются Велесъ, Хорсъ, Дивъ, Троянъ.

Замѣчанiя о Троянѣ особенно любопытны. Г. Миллеръ напоминаетъ юго-славянскiя преданiя о Троянѣ (на эти преданiя указывалъ еще Буслаевъ), которыя кажутся ему важными не только для пониманiя эпитета „Троянъ,“ (тропа Трояня, вѣчи Трояни, земля Трояня), но и для объясненiя нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ Слова. „Намъ кажется, что личность юго-славянскаго Трояня послужила автору Слова прототипомъ для тѣхъ мнѳическихъ деталей, которыми онъ облакаетъ Всеслава, или иначе что на мѣсто Трояня былъ поставленъ половецкiй князь.“ Указываются черты сходства Всеслава и Трояня. „Авторъ воспользовался нѣкоторыми чертами Трояня для своего вѣщаго Всеслава и слѣды подобной *спайки*, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть въ самомъ загадочномъ мѣстѣ Слова, гдѣ говорится о седьмомъ вѣкѣ Трояня въ связи съ Всеславомъ: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребiй о дѣвицю себѣ лобу.“ Какое отношенiе можетъ имѣть Троянъ, если это историческое лицо, къ русскому Всеславу? Что представлялъ себѣ авторъ подъ седьмымъ вѣкомъ Трояня? Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки и можно положительно сказать, что авторъ Слова зналъ объ этомъ не больше нашего.

Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраженіе своего источника, не понявъ его и, быть можетъ, даже искаживъ" (стр. 104—105). Спайка предполагается и въ томъ мѣстѣ Слова, гдѣ говорится о тропѣ Трояни. „Рица въ тропу Трояню чресъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореву того внуку.“ Первые издатели, замѣчаетъ г. Миллеръ, „для большей ясности рѣчи“ поставили послѣ *того* въ скобкахъ Олега. На ошибочность этой вставки уже было указываемо многими издателями, и на этомъ вопросѣ останавливаться не станемъ. Герой поэмы Игорь называется внукомъ Трояна. Какъ это ни странно, но грамматически другаго смысла не можетъ быть.... Преданія о какомъ-то *царѣ* Троянѣ, жившемъ въ глубокой древности,... приурочиваются къ южнымъ славянамъ. Потомкомъ этого прародителя царя могъ быть названъ скорѣе какой нибудь болгарскій князь, чѣмъ русскій Игорь, внукъ Олега. Но, заимствуя „старья словеса“ изъ болгарскаго источника, почерпнувъ изъ нихъ всю тираду отъ словъ: о Бояне, соловію стараго времени— до словъ: не буря соколы запесе и т. д., словомъ, выписавъ изъ болгарскаго памятника все это лирическое отступленіе, авторъ Слова подставилъ Игоря на мѣсто какого-то другаго лица и так. обр. русскій князь оказался внукомъ болгарскаго мнѣческаго царя Трояна“ (стр. 108—109). Вліяніе литературныхъ образцовъ отыскивается так. обр. не только въ „формѣ“, въ „поэтическомъ языкѣ“ (ср. стр. 51), а отчасти въ самомъ содержаніи Слова: о Всеславѣ, объ Игорѣ говорится то, что первоначально говорилось о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ. Упомянутія Дуная въ Словѣ о п. Иг. (Копія поютъ на Дунаи.... Дѣвици поютъ на Дунаи....) объясняются такимъ же „безотчетнымъ перенесеніемъ чужаго въ свое.“ „Рѣка Дунай, какъ извѣстно, постоянно упоминается въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ: если гдѣ либо дѣло происходитъ на рѣкѣ, можно сказать навѣрно, что эта рѣка Дунай.“ (стр. 111).—Съ Дуная зашолъ къ намъ и Боянъ: онъ землякъ мнѣч. Трояна. „Имя Боянъ народное болгарское.“ При этомъ авторъ „Взгляда“ указываетъ преимущественно (вслѣдъ за Венелинымъ) на изв. царевича Бояна, который, по словамъ Луттиранда, „могъ внезапно изъ человѣка обращаться въ волка и въ любого другаго звѣря.“ „Мы не увѣрены, что Боянъ Слова именно сынъ царя Симеона, но убѣждены, что Боянъ лицо болгарское и попалъ въ Слово изъ болгарскаго источника“ (стр. 130). Признать въ упоминаніи Бояна воспоминаніе о древнемъ русскомъ пѣвцѣ г. Миллеръ не находитъ возможнымъ. Боянъ

называется „вѣщимъ“, „внукомъ Велеса.“ „Если Боянъ былъ современникомъ Всеслава, придворнымъ или дружиннымъ пѣвцомъ, неужели люди книжные, современники автора Слова могли сомнѣваться въ его человѣческомъ происхожденіи?“ (стр. 120). Подобный же вопросъ, какъ мы видѣли, авторъ „Взгляда“ задавалъ и по поводу эпитета „Дажь-божь внукъ.“ (стр. 74). Мы знаемъ уже, что этотъ послѣдній эпитетъ служить только показателемъ нѣкоторыхъ литературныхъ вліяній; эпитетъ же „Велесовъ внукъ,“ какъ оказывается, долженъ служить основаніемъ для сомнѣній въ туземномъ происхожденіи самого преданія о Боянѣ. Эпитетъ „вѣщій“ оказывается тоже неумѣстнымъ, если признать что Боянъ—русскій пѣвецъ, современникъ кн. Всеслава. „Авторъ даетъ пѣвцу Бояну эпитетъ *вѣщій*, о значеніи котораго можно судить по другимъ мѣстамъ. Всеславъ Полоцкій, этотъ князь, рыскавшій съ быстротою волка, перегонявшій Хорса, имѣлъ *вѣщую* душу; персты, которые возлагалъ Боянъ на живыя струны, были *вѣщіе*, т. е. *чародѣйные*, ибо оживить струны, какъ дѣлалъ Боянъ, было дѣломъ выше человѣческой мудрости; точно также надо быть чародѣемъ, надо имѣть чародѣйную душу, чтобъ рыскать, какъ Всеславъ.“ (стр. 119). Но изъ замѣчанія на стр. 103 мы уже знаемъ, „что въ выраженіи „вѣлкомъ рыскаше“ мы не можемъ видѣть намека на волкодлачью натуру Всеслава. *Волкъ* употребляется въ Словѣ просто, какъ метафора для выраженія быстроты бѣга.“ Г. Миллеръ признаетъ, что въ Словѣ о полку есть слѣды и народно-поэтическихъ вліяній (стр. 127, 138, 236). Онъ не могъ не замѣтить также, что воспоминанія о Боянѣ стоятъ въ какой-то связи съ этими именно народно-поэтическими вліяніями („Ему, т. е. Бояну, приписывается *пословица*, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ изреченій житейской мудрости, которыхъ авторы никому неизвѣстны“ стр. 127. „Авторъ въ теченіи поэтическаго разсказа кое-гдѣ невольно впадалъ въ лиризмъ и облекалъ поэтическіе эпизоды въ складъ quasi стиха, *увлекаясь по временамъ замышленіемъ Бояновымъ*“ стр. 7. Попытки придать рѣчи нѣкоторый видъ стиха указываютъ, конечно, на знакомство съ пѣснью, съ пѣсенной формой; „увлеченіе замышленіемъ Бояновымъ“ совпадаетъ стало быть въ этихъ случаяхъ съ народно-поэтическимъ вліаніемъ. Припомнимъ зачины во вкусѣ Бояна: не буря соколы занесе и т. д.). Но г. Миллеру не хотѣлось остановиться на этой связи Бояна съ народными пѣснями.

Общее заключеніе Вс. Миллера объ авторѣ Слова такое: „обладая

несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патриотическимъ чувствомъ, онъ ведетъ разсказъ о историческихъ событіяхъ по былинамъ своего времени, мастерски группируя эти событія для гражданско-й цѣли и облакая поэтическимъ колоритомъ дѣйствующія лица. Если, при несомнѣнныхъ достоинствахъ разсказа, кое-гдѣ замѣтно раздражаніе, оно только свидѣтельствуетъ о художественномъ вкусѣ автора, объ умѣнѣ пользоваться старыми словесами для украшенія своего произведенія. Подобная же манера изложенія замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галицко-Волынской лѣтописи. Так. обр. „авторъ Слова не представляется уже необычнымъ, исключительнымъ явленіемъ: онъ является скорѣе представителемъ литературнаго направленія, быть можетъ, основателемъ школы писателей, воспитавшихся на книжныхъ свѣтскихъ произведеніяхъ, но не чуждавшихся при этомъ родныхъ образцовъ южно-русской поэтической рѣчи.“ (стр. 136—138). Въ концѣ книги г. Вс. Миллера помѣщенъ текстъ Слова съ объясненіями.

Трудъ г. Миллера вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, много толковъ. Появилось нѣсколько рецензій и замѣтокъ, въ которыхъ значеніе новаго „взгляда“ достаточно оцѣнено. Отмѣчу рецензію, важную для литературы Слова.

А. Веселовскій. Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. (Журналь Мин. Нар. Просв. 1877 г. августъ, стр. 267—306). „Авторъ впервые высказываетъ откровенно то, что лежало на сердцѣ у многихъ, старавшихся отнестись къ развитію древней русской литературы трезво и безъ предвзятыхъ убѣжденій.“ Такими словами начинается пр. Веселовскій свои замѣчанія на книгу г. Миллера. Что авторъ Слова былъ человѣкъ грамотный, воспитавшійся на книжныхъ произведеніяхъ своего времени, это неоспоримо. „Выборъ Дигениса типомъ тѣхъ литературныхъ произведеній, подъ вліяніемъ которыхъ писалъ авторъ Слова, едвали удаченъ“ (стр. 271), но общее положеніе не теряетъ отъ этого своей силы. Въ чемъ же обнаруживается начитанность автора Слова? Въ чемъ сказывается вліяніе на него книжныхъ произведеній? „Если изъ суммы вліяній византійскихъ подлинниковъ, типически представленныхъ поэмой о Дигенисѣ, на Слово о п. Иг. выдѣлится одно существенное, то оно ограничится бессознательнымъ воспроизведеніемъ стили и общихъ риторическихъ приемовъ?“ (стр. 270—271). Византійская литература знакома была автору Слова не прямо, а черезъ посредство болгарскихъ переводовъ. Вліяніе

болгарскаго посредства усматривается въ такъ назыв. мнѳологіи Слова. Толкованіе, которое даетъ этой мнѳологіи г. Миллеръ, возбуждаетъ у рецензента нѣкоторыя недоразумѣнія: „какъ бы ни поступалъ онъ (авторъ Слова) безотчетно, какъ бы ни велико было его незнаніе съ значеніемъ терминовъ болгарскаго язычества, все же эти внуки и эти „боги“ являлись передъ нимъ въ контекстѣ, и онъ не могъ не давать себѣ отчета, въ какомъ смыслѣ являлось передъ нимъ характерное слово „богъ“, внуками которому приходились и князь, и пѣвецъ. Я не могу выйти изъ этого *contradictio in adjecto*: авторъ Слова орудуетъ поэтическими формулами, въ которыхъ не видитъ ничего зазорно языческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, эти формулы такъ прозрачны, ихъ употребленіе такъ характерно, что становится непонятнымъ, какъ онъ могъ не разглядѣть ихъ кореннаго смысла.“ (стр. 274).

Что касается Бояна, то пр. Веселовскій не прочь согласиться, что этотъ „соловей стараго времени“ попалъ въ наше Слово изъ византійско-болгарскихъ книгъ; не зачѣмъ только сопоставлять Бояна Слова съ царевичемъ Бояномъ: образцомъ для нашего Бояна долженъ былъ послужить не какой-то кудесникъ, а поэтъ, пѣснотворецъ (стр. 281—282). Самую важную часть статьи пр. Веселовскаго представляютъ его замѣчанія по поводу эпитета Троянъ. Вс. Миллеръ (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изслѣдователями) предполагаетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ Слова, гдѣ приводится этотъ эпитетъ, скрывается намекъ на ц. Трояна, о которомъ сохранилось нѣсколько преданій въ юго-славянскихъ земляхъ. Авторъ „Взгляда“ замѣчаетъ еще, что и изображение Всеслава Полоцкаго въ Словѣ сложилось подъ вліяніемъ этихъ же преданій о Троянѣ. По мнѣнію пр. Веселовскаго, сопоставленіе Всеслава съ Трояномъ имѣетъ мало основаній: „сходство между рассказами о Всеславѣ и Троянѣ... не исчерпываетъ существенныхъ сторонъ послѣдняго: нѣтъ страха передъ солнцемъ, окаменѣнія подъ вліяніемъ его лучей; нѣтъ ничего мнѳическаго... остается сходнымъ одно: что Всеславъ и Троянъ ѣздятъ ночью. Что касается любви того и другаго, то представляется страннымъ, что метаніе жребія о милой дѣвицѣ могло быть приравнено къ посвѣщенію любовницы, какъ ни многое отнесемъ мы на счетъ фигурнаго языка автора Слова“ (стр. 290).

Сомнительно вообще самое предположеніе о связи нашего „Троянъ“ съ юго-слав. Трояномъ. Этой Трояновой гипотезѣ пр. Веселовскій противопоставляетъ другую: въ Словѣ о полку Иг. выказывается вліяніе ска-

заній о Трої. У стариннихъ западныхъ лѣтописцевъ встрѣчается та-
 кое преданіе о жителяхъ Трои: часть Троянъ перешла въ Европу и
 поселилась на берегахъ Дуная; впоследствии эти Дунайскіе Трояне
 раздѣлились: „одна часть пошла.... въ страну между Рейномъ и Оке-
 аномъ и назвалась Франками; другая осталась на берегахъ Дуная
 между Фракіей и Океаномъ и получила, отъ имени короля Turchot
 или Torquot, названіе Turgci или Torqui.“ По другому пересказу этого
 преданія, переселявшіеся въ Европу Трояне отправились къ берегамъ
 Дона, плыли по Азовскому морю (стр. 298). „Авторъ Слова, знавшій
 объ Азовскихъ готахъ („готскія красныя дѣвы“), звалъ и объ Азов-
 скихъ Тюркахъ; надо предположить, что ему извѣстна была какая-ни-
 будь историческая сказка въ родѣ той, которую приурочили къ своимъ
 Франкамъ Фредегаръ и Gesta Francorum; тогда понятно будетъ, по-
 чему земля Тюрковъ Торхота на Дону явилась у него землей Троян-
 скою. Память о Троянской землѣ на Дону—если понимать ее въ моемъ
 смыслѣ—трудно представить себѣ у болгарскаго книжника. Если такъ,
 то и за упоминаніемъ вѣковъ и неопредѣленнаго эпическаго седьмаго
 вѣка Трояня не зачѣмъ было автору Слова обращаться къ тому же
 источнику. Если Троянова земля могла у него явиться вслѣдствіе са-
 мостоятельнаго знакомства съ какимъ нибудь средне-вѣковымъ троян-
 скимъ сказаніемъ, то оттуда же вытекло общее мѣсто о трояновыхъ
 вѣкахъ, понимать ли его въ болѣе широкомъ смыслѣ троянскихъ со-
 бытій, или въ болѣе спеціальному и мѣстному, приурочившемъ Троянъ-
 Торковъ на Дону.“ (стр. 302).¹⁾ Общее заключеніе пр. Веселовскаго
 таково: авторъ Слова не находился подъ вліяніемъ „одного какого-
 нибудь болгарскаго источника;“ „спайки,“ указываемыя г. Миллеромъ,
 устраниются вмѣстѣ съ ихъ виновникомъ—царемъ Трояномъ. „Вообще
 допущеніе такого рода литературнаго приѣма не укладывается въ по-
 ниманіе автора Слова, челоука высоко-талантливаго, по признанію г. В.
 Миллера. Надо выбрать одно изъ двухъ: или авторъ Слова спаивалъ отрывки
 болгарской книги съ своимъ собственнымъ замышленіемъ, или же, работая
 надъ нимъ, онъ „невольнo черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранившіе-
 ся въ запасѣ его памяти,“ и ставшіе для него своими и родными. Изъ двухъ
 положеній я выбираю послѣднее, но оно ведетъ не къ одному болгарскому
 оригиналу, а къ памяти о многомъ прочитанномъ и усвоенномъ“ (304) ¹⁾.

¹⁾ Изъ частныхъ замѣчаній пр. Веселовскаго слѣдуетъ обратить
 вниманіе на его объясненіе слова „дивъ.“ (стр. 277).

Ор. Миллеръ. Еще о взглядѣ В. Θ. Миллера на Слово о полку Игоревѣ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. сентябрь, стр. 37—61). Рецензентъ не отрицаетъ „книжной болгарско-византійской струи въ нашемъ поэтическомъ Словѣ;“ но выборъ для сравненія съ Словомъ Дигениса кажется ему, какъ и А. Н. Веселовскому, не удачнымъ (стр. 43). 4-ю главу труда г. Вс. Миллера, въ которой разбирается мифологія Слова, Ор. Θ. Миллеръ называетъ „многозначительной, положительно поколебавшей значеніе Слова о п. Иг. какъ источника изученія русской мифологіи“ (стр. 47). Гораздо менѣе доказательными представляются разсужденія о Троянѣ и Дунаѣ. „На седьмомъ вѣдѣ Трояни....“ Въ Словѣ о п. Иг. это—слова безъ смысла, выраженіе, выхваченное изъ болгарскаго оригинала и вставленное не у мѣста. „Мнѣ кажется, замѣчаетъ рецензентъ, онъ (авторъ Слова) проявляетъ въ своемъ взглядѣ на событія столько глубины мысли, что трудно считать его способнымъ доходить въ слѣпомъ подражаніи какому-нибудь болгарскому образцу до положительной бессмыслицы“ (стр. 48). Что касается Дуная, то онъ также часто встрѣчается въ нашихъ пѣсняхъ, какъ и въ болгарскихъ и сербскихъ. Авторъ „Взгляда“ старается показать, что Боянъ характеризуется въ Словѣ въ чертахъ мифическаго пѣвца. Рецензентъ замѣчаетъ: „но вѣдъ и прежде существовало мнѣніе, что Боянъ, можетъ быть, не опредѣленное историческое лицо, не дѣйствительно жившій тогда-то пѣвецъ, а своего рода апофеоза пѣвца вообще, пѣвца особаго, прежняго направленія, т. е. что Боянъ, какъ и Дунай, имя не собственное, а нарицательное. Мнѣ кажется, что доводы г. Всев. Миллера говорятъ въ пользу этого прежняго мнѣнія, заставляютъ предпочесть это мнѣніе тому, по которому Боянъ является пѣвцомъ XI вѣка, оставившимъ свой непосредственный слѣдъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Слова“ (стр. 50—51). Сопоставленіе Бояна—пѣвца съ Бояномъ—кудесникомъ, волкудлакомъ не имѣетъ твердыхъ основаній. Въ заключеніе своей статьи Ор. Θ. Миллеръ останавливается на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ объяснительныхъ примѣчаній, которыя присоединилъ г. Вс. Миллеръ къ изданному имъ тексту Слова.

Вс. Миллеръ. Замѣтки по поводу сборника Верковича. I. Къ вопросу о національности Бояна въ „Словѣ о полку Игоревѣ.“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г., октябрь, стр. 110—115). Сопоставленіе пѣвца Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о п. Иг., съ царевичемъ

Бояномъ вызвало, какъ мы видѣли, справедливыя замѣчанія критики. Г. Вс. Миллеръ постарался отыскать болгарскую пѣсню, въ которой упоминается и царь Траянъ, и воевода Боянъ, слагающій пѣсню о Траянѣ. Пѣсня рассказываетъ, какъ „краль Ката пригласилъ къ себѣ Траяна, короля Янской земли, и оба ходятъ по землѣ, чтобы найти Траяну невѣсту.“ (стр. 111). Траяну приглянулась дочь Бизы—кряля, но тотъ не соглашается отдать ее за Траяна. Ката и Траянъ объявляютъ войну отцу красавицы, „На седьмомъ году оба короля побѣдили Бизу и взяли его въ плѣнъ, тяжело раненнаго стрѣлою“ (стр. 112). Биза умираетъ. „По смерти Бизы, короли овладѣли его городомъ, но не могли отворить темницы, запертой 70-ю ключами“ (112). Только при помощи юды-самовилы удается достать красавицу. Траянъ женится

И Боянъ-воевода пѣсню ему пропѣлъ,

Что завоевалъ онъ Биза—градъ,

И эта пѣсня осталася (113).

Въ этой пѣснѣ г. Вс. Миллеръ видитъ новое подтвержденіе своей гипотезы о вліяніи преданій о Траянѣ на рассказъ „Слова“ о Все-славѣ Полоцкомъ.

Кн. П. Вяземскій. Слово о плъку Игоревѣ. Изслѣдованіе о вариантахъ. Пб. 1877. Авторъ сличилъ списокъ Екатерининскій съ первымъ изданіемъ. Разночтенія этихъ двухъ воспроизведеній одной и той же рукописи привели кн. Вяземскаго къ убѣжденію, что рукопись писана была съ употребленіемъ значительнаго числа надстрочныхъ знаковъ, значеніе которыхъ было не совсѣмъ ясно для первыхъ издателей, а потому вызывало колебанія при чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ. Замѣчаются также колебанія въ чтеніи такихъ словъ, въ которыхъ, какъ можно предполагать, въ рукописи изображены были йотованное е, юсы, зѣло.

Ө. Буслаевъ. Русская хрестоматія. Изд. 2, испр. М. 1877. (Первое изданіе 1870. *Смирновъ*, стр. 162—163).

1878.

А. Потенія. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. Отдѣльный оттискъ изъ „Филолог. Записокъ.“ Воронежъ. 1878. Текстъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ; при поправкахъ приводится въ скобкахъ чтеніе перваго изданія. „Исходя отъ признанной уже,—

замѣчаетъ издатель,—напр. Максимовичемъ, необходимости нѣкоторыхъ перестановокъ, я приполю къ предположенію, что въ „Словѣ“ многое не необходимо, многое стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Кажется, что списокъ, дошедшій до насъ въ изд. 1800 г., ведетъ свое начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть можетъ, конца XIII или самаго начала XIV в.) въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить. Для самого автора могло быть не ясно, какія изъ амплификацій первоначальнаго текста окажутся нужными, какія излишними при окончательной редакціи, до насъ недошедшей или и вовсе не осуществленной. Сверхъ того, кажется, въ текстъ внесены глоссы одного или болѣе чѣмъ одного переписчика.“ (стр. 2). Вотъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ поправокъ, которыя сдѣлалъ въ текстѣ Слова пр. Потѣбня, а также указанныхъ имъ глоссъ и перестановокъ. Пр. Потѣбня читаетъ: стр. 16: „успала князю у умъ похоть“ (вм. спала князю умъ похоти)¹⁾; стр. 26: „ночь стонуци ему грозою птичь убуди свистъ; звѣрина вѣста: узбися Дивъ, кличетъ“.... (вм. свистъ звѣринъ въ стазби, Дивъ“ и пр.); „рѣци лебеди роспужены“ (вм. роспущены). Перестановки: стр. 82: „уже узнесеса (вм. снесся) хула надъ (вм. на) хвалу; се бо Готъскыя.... Уже трѣсну Нужда на волю, уже вѣржеса Дивъ на землю.“ Въ первомъ изданіи слова: „се бо готскія красныя дѣвы“ и т. д. стоятъ *послы* словъ: „уже вѣржеса дивъ на землю.“ (стр. 25). Весь отдѣлъ отъ словъ „Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше“.... до словъ (включительно): „То было въ тырати и въ ты пѣлкъ“—„отступленіе, нарушающее живость изложенія,—быть можетъ, вставка, взятая изъ другаго, неизвѣстнаго сочиненія, сдѣланная авторомъ при вторичной редакціи для памяти. При окончательной редакціи, она могла бы быть вновь выкинута.“ (стр. 51). Указывается еще нѣсколько болѣе мелкихъ вставокъ и глоссъ (стр. 9, 16,

¹⁾ При стеченіи двухъ одинаковыхъ гласныхъ въ памятникахъ старинной письменности ставится часто *одна* только буква (иде Угры, вм. у Угры, утлу тыков дуги, вм. у углу). „Подобные случаи доказываютъ (замѣчаетъ пр. Потѣбня), что въ старинной письменности могутъ скрываться долги подъ простыми гласными.“

33, 39, 67, 82; всѣ предполагаемыя вставки обведены въ изданіи прямыми скобками). Г. Потебня отмѣчаетъ также такія мѣста въ извѣстномъ теперь текстѣ Слова, въ которыхъ есть что-то не оконченное, какой-то пропускъ (стр. 106, 116, 140). Въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ тексту памятника ученый издатель собралъ богатый запасъ филологическихъ и литературныхъ данныхъ. Вы встрѣтите здѣсь то совсѣмъ новыя, то обставленныя, по крайней мѣрѣ, новыми доказательствами замѣчанія относит. значенія словъ, синтаксическаго строя рѣчи, смысла поэтическихъ образовъ. „Подобно многимъ, говоритъ г. Потебня, и я считаю „Слово“ произведеніемъ личнымъ и письменнымъ.... Построеніе нѣкоторыхъ періодовъ въ „Словѣ,“ можетъ быть, книжно; таковы же нѣкоторыя выраженія, а можетъ быть и свѣдѣнія; но до сихъ поръ не вѣроятно то, что оно сочинено по готовому византійско-болгарскому или иному шаблону и, наоборотъ, до сихъ поръ крѣпко стоитъ мнѣніе, что мы не знаемъ другаго древне-русскаго произведенія до такой степени проникнутаго народно-поэтическими стихіями. Согласно съ этимъ мнѣ кажется не безплоднымъ стремленіе, по примѣру прежнихъ изслѣдователей, отыскивать сходство „Слова“ съ произведеніями устной словесности. Сравненія этого рода съ одной стороны могутъ объяснить нѣкоторыя темныя мѣста „Слова,“ съ другой возводятъ нѣкоторые народно-поэтическіе мотивы ко времени не позже конца XII в., и так. обр. вносятъ извѣстную долю хронологіи въ изученіе такихъ сторонъ народной поэзіи, какъ символика и параллелизмъ“ (стр. 1—2, 151). Авторъ изслѣдованій „О нѣкоторыхъ символахъ народн. поэзіи“ и „О мнѣн. значеніи нѣкот. обрядовъ и повѣрій“ съ особенной охотой останавливается на объясненіи поэтической символики, одинаковой и въ „Словѣ,“ и въ памятникахъ народнаго творчества (звонъ — слава; увяданье травы — горе; жемчугъ — слезы; опаданье листьевъ — разлука, потеря стр. 52, 65, 87, 114, 117 и т. п.). — Но сближая „Слово“ съ народной поэзіей, пр. Потебня не отрицаетъ, какъ мы видѣли, присутствія въ этомъ памятникѣ и книжныхъ элементовъ. Относит. первыхъ словъ памятника („Не лѣпо ли ны башешь“....) онъ замѣчаетъ: „Такая рефлексія, сколько извѣстно, не свойственна народной поэзіи“ (4); выраженіе „иже и стягну умъ крѣпостію своею и поостри сѣрдьца своего мужьствѣмъ“ — „повидимому книжно“ (15); „уныша бо градомъ забрала, а веселие пониче:“ „всѣ эти олицетворенія, вѣроятно книжнаго происхожденія“ (84). Изъ книгъ, вѣроятно, попало

въ „Слово“ и реченіе „тълковини.“ „Тълковини, хотя и не встрѣчено нигдѣ, кромѣ этого мѣста и Лавр.¹ 12 подь 6415, но, образованное отъ тълков-ати, какъ мр. змовини, заручини, можетъ значить только тълкованіе. Въ Сл. о п. Иг. оно внесено книжникомъ, который взялъ это слово изъ лѣтописи, принявши его за названіе народа. Въ лѣтописи могло стоять первоначально: и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть тълковини: Великая Скуеъ.“ (90).¹).

Книга Потебни вызвала замѣтку пр. Ягича (Archiv für Slaw. Philologie III, 3, 738). Рецензентъ согласенъ съ общимъ воззрѣніемъ на слово пр. Потебни: близкое вліяніе собственно-болгарскихъ образцовъ и ему кажется сомнительнымъ. Комментарій къ памятнику, замѣчаетъ г. Ягичъ, обнаруживаетъ „удивительную начитанность“ автора въ памятникахъ народной поэзіи.

Е. Барсовъ. Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о полку Игоревѣ. („Вѣстникъ Европы“ 1878, октябрь, стр. 767—812; ноябрь, стр. 346—385). „Замѣтки“ эти вызваны все той-же книгой г. Вс. Миллера. Г. Барсовъ, указывавшій въ разсмотрѣнной выше статьѣ вліяніе на Слово „воинскихъ повѣстей“, выступаетъ въ „Замѣткахъ“ самымъ рѣшительнымъ и страстнымъ противникомъ соображеній и догадокъ г. Миллера.

Въ статьѣ г. Барсова три главы. Въ 1-й опредѣляется историческое значеніе Слова. Сравненіе Слова съ лѣтописью приводитъ г. Барсова къ такимъ выводамъ: „при ближайшемъ и внимательномъ изученіи „Кіевской лѣтописи,“ нельзя не видѣть, что „Слово“ и эта „Лѣтопись“ представляютъ поразительное сходство въ своихъ основныхъ взглядахъ и изображеніяхъ приднѣпровской Руси XII вѣка. Какъ „Слово,“ такъ и эта „лѣтопись“ рисуютъ для насъ собственно только высшій слой этой Руси, именно княжеско-дружинную среду, лишь только мимоходомъ касаясь другихъ классовъ общества и народа. Тамъ и здѣсь встрѣчаемъ одно и тоже понятіе о князѣ, о дружинѣ, о степи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.... Быть и культура.... Руси совершенно одинаковы по изображенію какъ Лѣто-

¹) Нѣкоторыхъ мѣстъ Слова о п. Иг. пр. Потебня коснулся еще раньше, въ статьѣ: „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка“ („Филологич. Зап.“ 1877 г. Есть и отдѣльный оттискъ).

писи, такъ и Слова.“ (стр. 770, 778). Въ главѣ 2-й разсматривается литературно-художественное значеніе Слова. „Что авторъ „Слова“ былъ человекъ образованный и просвѣщенный, въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался изъ ученыхъ изслѣдователей Слова“ (стр. 787), рѣшительно замѣчаетъ г. Барсовъ. (Какой же смыслъ имѣлъ вопросъ, предложенный въ программѣ Казанскаго съѣзда?) Но такъ же рѣшительно ополчается онъ противъ „новой гипотезы, которая, въ ущербъ его („Слова“) поэтическимъ достоинствамъ, предполагаетъ за нимъ византійско-болгарскій прототипъ, давшій автору „Слова“ матеріалъ для безотчетнаго заимствованія и видимо-неискусныхъ спаекъ.“ (стр. 787, 785). Въ своихъ замѣчаніяхъ на книгу г. Вс. Миллера г. Барсовъ повторяетъ нѣкоторыя изъ тѣхъ возраженій, которыя уже сдѣланы были въ разобранныхъ выше крит. статьяхъ (неудачный выборъ для сравненія со Словомъ поэмы о Дигенисѣ, сопоставленіе Бояна-кудесника съ Бояномъ-пѣвцомъ, признаніе талантности автора Слова и допущеніе „спаекъ“). Новое въ статьѣ г. Барсова—замѣчанія о мифологіи Слова. Г. Барсову непремѣнно хочется удержать на русской почвѣ Велеса, Дажь-бога, Хорса, Стрибога. Онъ отыскиваетъ и выписываетъ названія русскихъ мѣстностей, которыя звучатъ похоже на имена названныхъ боговъ; онъ собираетъ преданія и намеки преданій, въ которыхъ можно предположить связь съ мифическими существами, упоминаемыми въ „Словѣ.“ — „Есть и еще наконецъ живой свидѣтель всецѣло-національнаго происхожденія Слова, — это великорусская былина.“ (стр. 361). Такъ начинается г. Барсовъ третью главу своего труда. „Въ Лѣтописи и Словѣ, точно также, какъ и въ былинѣ, изображается одна и таже дружинно-княжеская кievская Русь. Лѣтопись рисуетъ намъ эту Русь въ ея историческихъ походахъ и дѣлахъ, „Слово“ рисуетъ эту Русь въ ея политическихъ идеалахъ, думахъ и ощущеніяхъ, которымъ не отвѣчала горькая дѣйствительность. Былина же изображаетъ ее такъ, какъ отразилась она въ народномъ сознаніи и въ лицѣ необычайныхъ ея героевъ,—и въ идеальныхъ типахъ историческаго богатырства рисуетъ намъ ту же борьбу русской земли съ поганою степью“ (стр. 385) ¹⁾.

¹⁾ Самое любопытное въ статьѣ г. Барсова—указаніе нѣкоторыхъ рукописныхъ данныхъ, касающихся нашей народной поэзіи. Такъ

Отвѣтъ г. **Вс. Миллера** на „Замѣтки“ г. *Барсова* въ „Критическомъ Обозрѣніи“ 1879 г., № 3-й, стр. 20—31. („Къ вопросу о Словѣ о полку Игоревѣ“).

Вс. Миллеръ. По поводу Трояна и Бояна „Слова о п. Игоревѣ“. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, декабрь, стр. 239—267). Собраны юго-славянскія преданія о Троянѣ. Оказывается, что нѣкоторыя изъ этихъ преданій повторяютъ сказанія древнихъ о ц. Мидасѣ. Сказанія о Мидасѣ—собственно фригійскія. Есть извѣстія, что Фригійцы переселились въ Малую Азію изъ Европы, им. изъ Македоніи: „ихъ преданія.... прикрѣплены столько же (если не болѣе) къ Македоніи, ихъ древней родинѣ, сколько къ азіатской Фригіи.“ (стр. 241). Так. обр. славянскія преданія о Троянѣ могутъ служить образцомъ сказаній, которыми г. **Вс. Миллеръ** даетъ названіе о с ѣ д л ы х ѣ. „Кажется, нѣтъ возможности предположить, что южно-славянскія сказанія—повднито

упомянуто имъ „Богатырское Слово,“ пересказъ былины, записанный въ XVII вѣкѣ. „Слово“ это рассказываетъ, „какъ ходили кievскіе богатыри на богатырей цареградскихъ и учинили себѣ честь; на просьбу князя Владиміра побережъ Кіевъ они отвѣчаютъ, что они сторожами не повадились и непридется имъ сторожами слыть.... Имена русскихъ богатырей тѣже, что и въ дошедшихъ до насъ былинахъ“ (стр. 368, 376). Указывается еще „Исторія о славномъ и о храбромъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о соловьѣ-разбойникѣ:“ „здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ кievскимъ княземъ, во всемъ сказаніи имени Владиміра нѣтъ и помину.“ (стр. 377; ср. *Кирпичниковъ*, Поэмы ломб. цикла стр. 158). Приводится наконецъ важный отрывокъ изъ Соловецкой рукописи XVI в. „Переяславль русскій по-противъ Кіева за Днѣпромъ по лѣвой рудѣ Олтополя, а на Олтополѣ церковь стоитъ мурована велика, на крови св. Бориса, а вокругъ его роца березова, а отъ русскаго Переяславля до Кіева 60 верстъ, а *тутъ богатыри кладутся русскіе*, а кругъ городища того по кладбишу тому каменія много великаго по всполью, а кругъ городища того озера Трупежъ, изъ него же течетъ рѣка Мцица, и пала въ Днѣпръ.“ (стр. 367). Не сохранилось ли еще какихъ нибудь указаній на это кладбище богатырей? (Прип. могилы Ильи Муромца и его товарища, упомин. у Ласоты).

литературнаго происхожденія. Древность ихъ видна изъ того, что они прикрѣплены, какъ легенды, къ древнимъ городамъ или городищамъ и связаны съ именемъ императора Трояна или краля Латина, какъ называется его болгарская пѣсня. Проще предположить, что мы имѣемъ передъ собою сказанія осѣдлыя, переходившія отъ одного народа къ другому, по мѣрѣ того, какъ они чередовались въ области первоначальнаго распространенія этихъ сказаній.“ (стр. 249). Далѣе: у тѣхъ же болгаръ, которые сохранили воспоминаніе о Мидасѣ-Троянѣ, записаны Верковичемъ пѣсни, „въ которыхъ является классическій образъ дивнаго пѣвца, подчиняющаго своей волѣ животныхъ, людей и чудовищъ звуками золотой свирѣли. Этотъ свирѣльщикъ божественнаго происхожденія носитъ въ разныхъ вариантахъ разныя имена—Урфень, Орфень, Уфрень, Френь, Френуше, Хръкленъ, Форлепъ, изъ которыхъ одно—Орфень—напоминаетъ имя Орфея.“ (стр. 250). Классическія преданія связываютъ Мидаса съ Орфеемъ. Въ одной болгарской пѣснѣ (привед. въ упомянутой выше статьѣ о Сборникѣ Верковича) поставлены вмѣстѣ Троянъ и Боянъ. „Сама собою является мысль, что этотъ пѣвецъ Боянъ есть замѣна древняго Орфея, или что имя Бояна—вѣроятно историческое, какъ и имя Трояна—есть болгарское переименованіе древне-эракійскаго пѣвца. Кто былъ Боянъ, на имя котораго наслоилось сказаніе объ Орфеѣ, конечно, нѣтъ возможности рѣшить, да оно и не важно. Важно то, что оба имени—Троянъ и Боянъ—оказываются въ русскомъ произведеніи XII в., какъ безсознательное заимствованіе изъ болгарскаго источника, и что такимъ образомъ Слово о п. Иг. сохранило нѣкоторыя черты героя-пѣвца болгарскихъ сказаній, который до сихъ поръ еще подъ этимъ именемъ (Бояна) не нашелся въ болгарскихъ пѣсняхъ, за исключеніемъ одной, гдѣ онъ упоминается въ послѣднихъ стихахъ.“ (стр. 252—253).

Статья г. Вс. Миллера вызвала замѣтку Ор. Ѳед. Миллера. („Русскій филологич. Вѣстникъ,“ 1879, № 4, стр. 233—241: „Новые домыслы ученія о заимствованіяхъ.“).

И. Хрущовъ. О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Кіевъ. 1878. На стр. 195—212 разборъ лѣтописныхъ сказаній о походѣ Игоря на половцевъ сравнительно съ рассказомъ „Слова.“ Изъ сопоставленія Слова съ лѣтописными рассказами г. Хрущовъ старается извлечь объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ занимающаго насъ памятника. Въ лѣтописи упоминается напр., какъ передовой от-

рядъ, посланный для развѣдки приносить вѣсть о силѣ враговъ („сторожеви прѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловить“....) Г. Хрущовъ замѣчаетъ: „эта худая вѣсть, принесенная сторожевыми людьми, отмѣчена и въ Словѣ о п. Игоревѣ: стязи (метонимически вм. стяговники, которые обыкновенно становились на возвышенныхъ мѣстахъ съ знаменами и видѣли окрестность) глаголють: Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ—русскія плъкы обступаша.“ (стр. 197—198). Едвали такъ. Обстоятельство, указанное въ словахъ: „стязи глаголють“ относится ко времени послѣ битвы въ пятницу, передъ второй битвой; „сторожи“ прѣехали еще до встрѣчи съ половцами. Общія заключенія г. Хрущова относятъ Слова о п. Игоревѣ такъ:

1) Способъ изложенія событій въ „Словѣ“ существенно различается отъ изложенія лѣтописнаго. „Авторъ его („Слова“) не ставитъ себя судьей Игоря и не ищетъ въ христіанскихъ понятіяхъ объясненія какъ бѣдъ, такъ равно и счастливыхъ обстоятельствъ. Игорь у него не несетъ кары за свою прежнюю вину предъ Богомъ и не покаянная молитва способствуетъ его бѣгству изъ плѣна.... Свободный отъ авторитетныхъ полченій книжниковъ авторъ Слова ищетъ подтвержденіе своимъ мыслямъ объ усобицахъ не въ текстахъ св. писанія, а въ прежде бывшихъ событіяхъ русской жизни.“ 2) Авторъ Слова не былъ участникомъ похода. „Все то, что мы знаемъ изъ двухъ сказаній, сѣвернаго и южнаго, о походѣ и плѣнѣ Игоря, встрѣчаемъ и въ Словѣ, но съ опущеніемъ нѣсколькихъ подробностей, которыя по свойству поэтическаго произведенія замѣнены общими красками. Даже такое обстоятельство, какъ подвигъ Игоря, когда онъ, уже раненый, возвращалъ Ковусевъ на поле битвы, вспомнута однимъ намекомъ: И г о р ь плъки заворочаетъ. И тутъ видно, что авторъ знаетъ объ этомъ обстоятельстве по слуху и по собственной догадкѣ говорить, что Игорь заворачиваетъ полки потому, что ему жаль мила брата Всеволода. Неправдоподобностью отличается и распря Кзы и Кончака.... Въ „Словѣ“ Кза споритъ съ Кончакомъ о судьбѣ Володимира Игоревича. Черезъ три года послѣ похода возвратился Володимиръ Игоревичъ съ женою Кончаковною изъ плѣна, и тогда умѣстно было говорить о соколичѣ, опутанномъ красною дѣвицею. Слава, пропѣтая Володимиру Игоревичу въ концѣ „Слова“, подтверждаетъ то, что похвальное произведеніе въ честь Игоря составилось по возвращеніи изъ плѣна и сына его.“ (стр. 210—211). Вѣрность послѣдняго замѣчанія—неоспорима.

В. Григоровичъ. Что значитъ слово „толковинъ“ или „толковникъ“ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ. Рефератъ, читанный на кievскомъ археологич. съѣздѣ 1874 года. (Извлечение изъ этого реферата въ „Трудахъ 3-го археол. съѣзда,“ т. 1-й, Кіевъ, 1878, стр. ЛП—ЛШ). Въ спискахъ „азбуковника“ г. Григоровичъ нашелъ слово „толковникъ,“ какъ синонимъ сл. „пособникъ,“ „помощникъ.“ „Въ Словѣ о п. Иг., хотя.... темно, но съ замѣтною ироніею говорится, что князь Святославъ видѣлъ во снѣ, что ему принесена была добыча, высыпанъ жемчугъ изъ пустыхъ колчановъ *поганыхъ тѣлковинъ*. Смыслъ этой ироніи состоитъ въ томъ, что Ольговичи часто призывали къ себѣ на помощь Половцовъ, и так. обр. Половцы были для нихъ *тѣлковины*, пособники, но пособники поганые.“ — Припоминается еще мр. „толога.“

Е. Барсовъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. Рефератъ, чит. на томъ же Кіевскомъ съѣздѣ. (Извлечение въ „Трудахъ“ I, стр. LXI). Рефератъ раздѣлялся на двѣ части: а) замѣчанія о внѣшнемъ видѣ рукописи, заключавшей Слово о п. Иг. (Эти замѣчанія повторены г. Барсовымъ въ ст. „Литература Сл. о п. Иг.,“ гл. II); б) исправленіе нѣкоторыхъ испорченныхъ и непонятныхъ мѣстъ Слова. „Кромѣ палеографическихъ основаній, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ, какъ второстепеннымъ пособіемъ, замѣчаніями народныхъ пѣвцовъ и рассказчиковъ, которымъ онъ читалъ древній памятникъ съ своими объясненіями.“

П. Ваденюкъ. Гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 5-го мая 1185 г. былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородсѣверскій, и которая названа Каялой. Рефератъ, чит. на кievскомъ съѣздѣ. (Помѣщенъ въ „Трудахъ“ II, 51—58). По соображеніямъ г. Ваденюка битва происходила на берегахъ рѣки, названной въ лѣтописи Сюурлій, подъ которымъ надо разумѣть р. Торь, притокъ Донца. „Что касается.... названія этой рѣки „Каяла,“ то оно одного корня съ каяти—осуждать, судить, и никогда не существовало какъ названіе географическое: оно вѣщѣло принадлежитъ поэтической изобрѣтательности пѣвца „Слова.“ (стр. 57). Такое объясненіе Каялы предлагалось и нѣкоторыми другими изслѣдователями Слова.

1879.

М. Максимовичъ. Слово о полку Игоревѣ, въ переводѣ на нынѣшній русскій языкъ. Кіевъ, 1879. Изданіе редакціи „Кіевскаго народнаго календаря.“ — Перепечатка.

Пѣснь о походѣ Игоря, переводъ „Словесника.“ („Историческая Библіотека“ 1879 г. № 11).

А. Смирновъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. Выпускъ II. Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ.“ Воронежъ. 1879. Продолженіе труда, первая часть котораго указана была выше. Авторъ даетъ „пересмотръ“ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Вѣкъ рукописи и характеръ письма (стр. 1—18). Мусинъ-Пушкинъ относилъ рукопись Слова къ XIV—XV в.; Ермоласъ — къ XV, Малиновскій къ XIV, Карамзинъ къ XV. Все это — „самовидцы“ рукописи. Позже (1818) Калайдовичъ (на основаніи свидѣтельства типографщика Селивановскаго) отнесъ рукопись Слова къ XVI вѣку. Еще позже пр. Тихонравовъ, рассмотрѣвъ разночтенія перваго изданія и списка Екатеринбургскаго, пришолъ къ тому мнѣнію, что разночтенія эти объясняются въ томъ только случаѣ, если предположить, что рукопись Слова писана была скорописью, допускающею сходное начертаніе нѣкоторыхъ буквъ (слѣд. не ранѣе XVI в.). Разобравъ всѣ эти мнѣнія, г. Смирновъ приходитъ къ такому заключенію: „касательно характера письма больше имѣется данныхъ, чтобы держаться показанія самовидцевъ рукописи, чѣмъ раздѣлять мнѣнія лицъ, не издавшихъ рукописи, считать его яснымъ полууставовъ, пожалуй, даже переходящимъ въ скоропись, а не скорописью“ (стр. 16); 2) Языкъ Слова со стороны звуковъ и формъ, какимъ онъ является по изданію М. Пушкина (стр. 19—49); 3) Исправленіе первопечатнаго текста. (стр. 49—132). „Исправленіе текста, напечатаннаго первыми издателями, говоритъ г. Смирновъ, началось вскорѣ послѣ гибели рукописи и продолжается до настоящаго времени. Поправкамъ подвергались — правописаніе печатнаго текста и пунктуация, кромѣ того предлагалось иное чтеніе словъ и выраженій и замѣна ихъ другими, иное дѣленіе сплошнаго текста рукописи на слова и періоды и иной порядокъ цѣлыхъ статей.“ Указавъ, какія работы вызывалъ вопросъ о правописаніи Слова (исправленіе правописанія Слова, какъ памятника XII в.; соображенія о

правописаніи погибшей рукописи), какія и къмъ дѣлались перестановки въ извѣстномъ теперь текстѣ памятника, г. Смирновъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на поправкахъ словъ и пунктуаціи. „Разсматривая поправки словъ и пунктуаціи первопечатнаго текста, мы, сколько возможно, старались о полнотѣ обзора, помѣщали въ него даже иногда очень незначительныя измѣненія текста. Это сдѣлано нами для того, чтобы представить весь ходъ изученія и пониманія памятника. Можетъ быть, и незначительныя поправки когда-нибудь получатъ свое значеніе; можетъ быть, онѣ наведутъ будущихъ толкователей на новыя, лучшія соображенія для уясненія темныхъ и неудобопонятныхъ мѣстъ Слова.“ (стр. 74). Этотъ сводъ поправокъ текста — самая важная часть работы г. Смирнова, за которую ему благодаренъ будетъ каждый занимающійся изученіемъ Слова. 4) Судьбы Слова о п. Иг. въ послѣдующей русской литературѣ. (133—188). Подробное сличеніе Слова съ сказаніями о Мамаевомъ побоищѣ. Указываются тѣмъ „произведенія, которыя нѣсколько напоминаютъ тѣмъ или другимъ Слово:“ Псковская лѣтопись, Исторія объ Азовскомъ сидѣніи. 5) Отношеніе Сл. о п. Иг. къ сѣверо-русской народной поэзіи и языку (стр. 189—247). Предшествовавшіе изслѣдователи обращали преимущественное вниманіе на сравненіе поэтическихъ образовъ Слова съ образами южно-р. пѣсенъ. Только Тихонравовъ воспользовался памятниками ср. поэзіи при объясненіи Слова. „Между тѣмъ, замѣчаетъ г. Смирновъ, даже бѣгло просматривая памятники ср. народной поэзіи, всякій замѣтитъ большое сходство ея со Словомъ. И въ Словѣ, и въ ср. народной поэзіи отражаются духъ и черты характера одного и того же народа русскаго, да и самый способъ выраженія мыслей въ томъ и другой одинаковъ.“ (стр. 190). Слѣдуетъ сопоставленіе образовъ и выраженій Слова съ образами и выраженіями ср. пѣсенъ. Собранный матеріалъ обильный, даже слишкомъ обильный.

М. Андріевскій. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу. Часть I гл. I—III. Екатеринбургъ, 1879. Вышло только начало труда.

И. Малышевскій. Къ вопросу объ авторѣ „Слова о полку Игоревѣ.“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., августъ, стр. 252—261). Г. Малышевскій соглашается съ выводами отн. Слова о п. Иг. г. В. Миллера; онъ хочетъ только „указать еще на одну черту, которая можетъ... восполнить... общую характеристику автора „Слова.“ (стр. 253). Въ

Словѣ нѣсколько разъ упоминается Тмуторокань. Эти упоминанія приводятъ пр. Малышевскаго „къ тому предположенію, что авторъ „Слова“ бывалъ и жилъ въ древней Тмуторокани, у азовско-черноморскаго прибрежья. Тмуторокань въ началѣ XII в. уже не принадлежала Руси, бывъ занята Половцами, господствовавшими здѣсь и во время автора. Но русскіе поселенцы могли оставаться здѣсь долго, какъ долго оставались и Козары, по завоеваніи Тмуторокани русскими.... Гости или купцы русскіе продолжали сюда ѣздить, проживать временно, по дѣламъ торговымъ“ (257). Авторъ Слова—человѣкъ бывалый. Можно предположить, что онъ „исходилъ Русь вдоль и поперекъ, приглядѣлся къ фізіономіямъ князей, населеній, мѣстностей¹⁾. Это былъ странствующій книжный пѣвецъ,²⁾ подобный Орю и Тимоѳею.“ (258). Что касается именно Тмуторокани, то пребываніе въ ней автора Слова имѣетъ, по соображеніямъ г. Малышевскаго, особенную важность. „Теперь доказано, что византійская письменность замыкалась въ предметы религіознаго содержанія далеко не настолько, какъ думали прежде; что въ предѣлахъ Византіи существовала довольно широкая свѣтская литература и поэзія, держалась даже народная поэзія въ сказкахъ, пѣсняхъ, похожихъ на наши... У черноморскаго и азовско-черноморскаго побережья греческая окраина сближалась съ русскою. Здѣсь особенно могли сближаться, передаваться, перениматься элементы для такихъ созаданій, какъ наше „Слово.“ Отсюда могъ вынести авторъ его какъ письменные образцы для своего произведенія, такъ и самую наклонность обставлять его образами миѳической древности.“ (Ср. *Иловайскій*, *Исторія Россіи* II, 85).

Ив. Ждановъ. *Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху.* (Кіевск. Унив. Изв., 1879, июнь). Есть кое-какія замѣчанія о „Словѣ.“

¹⁾ Показанія автора Слова относит. нѣкоторыхъ мѣстностей русской земли неточны. Напримѣръ: „уже бо Сула не течеть.... къ граду Переяславию.“ Такая неточность не ладится съ представленіемъ о „бываломъ человѣкѣ.“

²⁾ Выраженіе „книжный пѣвецъ“ довольно неясно. Сопоставленіе этого „книжнаго пѣвца“ съ Оремъ и Тимоѳеемъ не помогаетъ дѣлу. Развѣ извѣстно, что гудецъ Орь былъ книженъ? Развѣ извѣстно, что книжникъ Тимоѳей былъ пѣвецъ?

1880.

Максимовичъ. Собрание сочиненій, т. -й. Языкознание. Исторія словесности. Кіевъ, 1880. Здѣсь помѣщены: а) письма „О народной исторической поэзіи въ древней Руси;“ б) „Пѣснь о полку Игоревѣ“ (статьи, напечат. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1836—7 гг.); в) „Замѣчаніе на пѣснь о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ Гербеля;“ д) „Темное мѣсто въ пѣсни о полку Игоревѣ;“ е) „Къ объясненію и исторіи Слова о полку Игоревѣ.“ Последнее заглавіе обнимаетъ нѣсколько работъ Максимовича. „М. А. Максимовичъ, замѣчаетъ редакторъ 3-го тома его сочиненій А. К. (А. А. Котляревскій?), съ особенною любовью занимался Сл. о п. Иг. Въ 1837 г. онъ напечаталъ текстъ съ русскимъ переводомъ..., въ 1857 малороссійскій переводъ, повторенный имъ (вмѣстѣ съ текстомъ) въ „Украинцѣ“ М. 1859, I, 43—108, наконецъ переводъ русскій въ „Сборникѣ статей для народнаго чтенія“ К. 1868, II, стр. 145—169. Нежелая опустить хотя какое-нибудь цѣнное замѣчаніе о „Словѣ“ такого ученаго, какъ Максимовичъ, мы помѣщаемъ *подлинникъ* по его рецензіи (въ Украинцѣ) и отдѣльныя *объясненія* къ нему, *сведенныя изъ русскаго и украинскаго изданія.* По той же причинѣ получаетъ здѣсь мѣсто и его *рецензія изданія Вельтмана*, имѣющая значеніе историческое.“ (стр. 631).

Павскій. Переводъ Слова о полку Игоревѣ. Трудъ этотъ, не бывшій въ печати, отыскался въ бумагахъ, оставшихся послѣ знаменитаго филолога. Свѣдѣнія объ этой находкѣ сообщены Н. И. Барсовымъ въ статьѣ: „Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій“ („Русская Старина“ 1880 г. май); изъ самаго перевода приведены впрочемъ только немногія отрывочныя мѣста (стр. 108—112). Это досадно. Вмѣсто того, чтобы дополнять работу Павскаго малопрігодными и частію даже ошибочными ¹⁾ замѣчаніями, г. Барсовъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы цѣликомъ напечаталъ ту часть перевода, какую ему удалось отыскать.

¹⁾ По словамъ г. Барсова (стр. 107) надъ первымъ изданіемъ Слова трудились Бантышъ-Каменскій, *Калайдовичъ*, Малиновскій. Г. Вс. Миллеръ переводитъ слова: „Не тако ли, рече, рѣка Стугна....“ такъ: „не такъ (поступила), говорятъ, рѣка Стугна“ Г. Барсовъ не доволенъ такимъ переводомъ. Онъ говоритъ: „рече (то есть Игорь, 3-е

П. Ваденюкъ. Темное мѣсто въ Словѣ о плъку Игоревѣ.

(Сборникъ археологическаго института, книга 3, отд. 1, стр. 140—144). На археологич. съѣздѣ 1874 года г. Ваденюкъ возражалъ г. Е. Барсову, исправлявшему нѣкоторыя мѣста „Слова.“ Г. Барсовъ предлагалъ м. проч. такое чтеніе: „и с хотію на крови тѣй рекъ“ (въ 1-мъ изданіи: „И схоти ю на кровать и рекъ“). Въмѣсто такой поправки г. Ваденюкъ предложилъ другую: „и съ хоть юна коувасть (или карить) и речеть“ („Труды,“ I, стр. LXI). Эту свою поправку г. Ваденюкъ объясняетъ и защищаетъ и въ названной статьѣ. „И вотъ молодая жена причитываетъ и говоритъ: дружину твою, князь, птицы крыльями покрыли, а звѣри кровь полизали“.... „Живописно, а главное логично,“ замѣчаетъ самъ г. Ваденюкъ.

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Ч. 2-я. М. 1880. О „Словѣ о п. Иг.“ стр. 343—345 и 557—558, примѣч. 47. „Авторъ Слова о п. Иг. очевидно былъ дружинникъ, но въ то же время человѣкъ книжно весьма образованный, знакомый съ произведеніями русской и болгарской, а слѣдовательно и греческой словесности.... Вѣрный тому князю колѣну, которому самъ служилъ, т. е. Чернигово-Сѣверскому, поэтъ съ любовью изображаетъ его членовъ, и младшихъ, и старшихъ.... Черниговскіе Ольговичи въ этомъ произведеніи являются предъ нами съ чертами весьма симпатичными; тогда какъ Кіевская Лѣтопись (Выдубецкій сводъ), прославляя постоянно колѣно Мономаховичей, мало даетъ намъ подробностей о дѣяніяхъ Ольговичей или относится къ нимъ недружелюбно.“ Впрочемъ авторъ Слова распространяетъ „свое теплое сочувствіе на всѣ области русской земли“ и при этомъ „обнаруживаетъ замѣчательное знакомство съ политическимъ положеніемъ и съ характеромъ природы русскихъ областей.“

А. Галаховъ. Исторія русской Словесности. Изд. 2-е. Пб. 1880. Т. I. отд. 1-й: Древнерусская словесность. О „Словѣ“ стр. 294—300.

лицо един. числа) совершенно неправильно переведено словомъ: г о в о р я т ь“ (стр. 111). Г. Миллеру слѣдовало, конечно, поучиться историч. грамматикѣ у г. Н. Барсова. (Отв. „рече“ см. у *Потебни* стр. 11) Замѣчу еще, что книгу г. В. Миллера о „Словѣ“ г. Барсовъ называетъ „самой послѣдней въ нашей литературѣ работой по этому предмету.“ (стр. 109).

Ш.

Замѣчанія отн. нѣкоторыхъ мѣстъ Слова о полку Игоревѣ.

Въ объясненіи Сл. о п. Иг. достигнуты уже важныя успѣхи. Общій взглядъ на литературное значеніе этого памятника установленъ опредѣленно и прочно. Въ самомъ дѣлѣ, едвали кто-нибудь будетъ еще защищать то мнѣніе, что Слово о полку было сначала устно передававшейся пѣснью, и что потомъ только перешло оно въ письменность; едвали кто-нибудь будетъ оспаривать то, что авторъ Слова слагалъ свой трудъ подъ двойнымъ вліяніемъ,—подъ вліяніемъ памятниковъ письменности и произведеній народной поэзіи. Но что касается множества частныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ изученіемъ Слова, то на разрѣшеніе ихъ потребуется еще, конечно, не мало труда и усилій. Поэтому небезполезны могутъ быть замѣтки, касающіяся объясненія только отдѣльныхъ мѣстъ Слова,—поэтическихъ образовъ, иносказательныхъ выраженій, историческихъ намековъ, находимыхъ въ этомъ памятникѣ.

Я помѣщаю здѣсь нѣсколько такихъ именно замѣтокъ, накопившихся у меня при изученіи Слова.

1. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣс(н)ь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю.—По поводу этого мѣста Слова о полку Ив. И. Малышевскій (въ отмѣченной выше статьѣ) высказываетъ такія соображенія: „Названіе Ярослава и Мстислава понятно; но почему рядомъ съ ними помѣщенъ ничѣмъ особеннымъ незамѣчательный Романъ (убитый 2 августа 1079 г.)? Г. Миллеръ объясняетъ это литературнымъ приемомъ автора, обусловленнымъ его образцомъ и требовавшимъ въ данномъ случаѣ трехъ князей, какъ героевъ Баяна. Такъ,—но все таки остается вопросъ: почему третьимъ героемъ взять Романъ уже изъ втораго (послѣ Ярослава) поколѣнія, въ которомъ было не мало князей, ему равныхъ? Вѣроятно потому, что это былъ князь *Тмутороканскій*. Такимъ образомъ, въ ряду трехъ князей, воспѣтыхъ Баяномъ героевъ, поставлены два князя Тмутороканскіе, одинъ знаменитый, другой не замѣчательный, но для автора замѣчательный, какъ князь Тмутороканскій, княжившій въ этомъ окраинномъ городѣ *даже* другихъ (кромѣ Мстислава) русскихъ князей.“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1879, августъ, стр. 253). Но для объясненія Романа мож-

но, кажется, и не прибѣгать къ такому предположенію. Авторъ Слова о полку упоминаетъ тѣхъ князей, *которымъ* слагалъ свои пѣсни Боянъ (аще кому хотяше пѣснь творити), т. е. для которыхъ, въ славу которыхъ, о которыхъ сложены были тѣ пѣсни, тѣ старыя словеса, которыя онъ, имѣя въ виду какое-то преданіе („помняшеть бо, рече...), соединяетъ съ именемъ Бояна. Авторъ Слова зналъ пѣсни о Ярославѣ, о Мстиславѣ, о Романѣ; пѣсни эти, по его представленію должны были принадлежать какому-то Бояну, современнику воспѣваемыхъ князей. (Ср. Универс. Изв. 1879, июнь, стр. 14—15). Обще-историческое значеніе и народно-пѣсенная популярность не всегда совпадаютъ. Въ пѣсняхъ, которыя авторъ Слова о полку признавалъ пѣснями Бояна, малозначительный Тмутороканскій князь могъ занимать такое же мѣсто, какъ Ярославъ и Мстиславъ. Воображеніе современниковъ Романа Святославича (брата дѣда Игоря Олега) поразила его ранняя трагическая кончина. Романъ княжилъ въ Тмуторокани; сюда въ 1077 (6585) г. бѣжалъ къ нему Борисъ Вячеславичъ, убитый въ слѣдующемъ году на Нѣждатинѣ нивѣ (въ Словѣ о полку: „Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе...; въ лѣтописи: „убиша Бориса, сына Вячеславля, *похвалявшася велми*“), въ борьбѣ противъ Изяслава и Всеволода. Союзникомъ Бориса былъ Олегъ, тоже пріютившійся въ Тмуторокани. Въ 1079 (6587) г. и Романъ двинулся противъ Всеволода. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ событіи лѣтопись: „Приде Романъ с Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля, и створи миръ с Половци; и възвратися Романъ с Половци въспячь, и убиша и Половци мѣсяца августа 2 день. *Суть кости его и досель лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля.*“ (Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 193, 195, 198). Нельзя не припомнить здѣсь прекраснаго замѣчанія К. Н. Бестужева-Рюмина: „Боянъ пѣлъ пѣсни „старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полки Касожьскими, красному Романови Святославличю.“ Извѣстный поединокъ Мстислава съ Редедю въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ въ лѣтописи, сильно отзывается эпическимъ сказаніемъ; а по поводу смерти Романа мы читаемъ въ лѣтописи: „суть кости его и досель тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля.“ Слова эти какъ будто взяты изъ пѣсенъ, которыя любятъ описывать, какъ дождь мочить въ степи богатырскія кости“ (О сост. лѣтоп. стр. 42). Нужно обратить вниманіе и на ту неопредѣленность,

съ какой говорится въ лѣтописи о мѣстѣ смерти Романа. Карамзинъ замѣчаетъ: „Романа умертвили 2 августа. Несторъ: „суть кости его (Романовы) и доселѣ“ гдѣ? не сказано.“ (И. Г. Р. т. II, прим. 145) Могила Романа была не извѣстна, и это особенно задѣвало воображеніе. Эпитетъ, который присоединенъ въ Словѣ о полку къ имени Романа (*красный Романъ*), указываетъ еще на одну черту того преданія, которое хранила о немъ народная память. Рассказывали, какъ безвременно погибъ молодой ¹⁾ красавецъ, какъ внукъ Ярослава убитъ и брошенъ былъ погаными гдѣ-то въ степи. „Суть кости его и доселѣ лежаче тамо, сына Святослава, внука Ярослава.“

2. О Бояне, соловію старого времени! абы ты сіа пълкы уще-коталъ, снача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подѣ облакы, свивая славы оба полы сего времени. Что такое „мыслено древо“? Какое значеніе имѣетъ эпитетъ: мысленъ? „Мысленъ“ въ старинныхъ памятникахъ славяно-русской письменности употреблялось въ значеніи: умопредставляемый, недоступный чувственному воспріятію, идеальный. Въ XIV вѣкѣ на Руси, какъ извѣстно, завязался споръ о раѣ. Новгородскій архіеп. Василій писалъ тверскому еп. Василію: „И нынѣ, брате, мнитсѣ ти *мысленый* (разум. рай), но все *мыслено* мнитсѣ *видѣнїемъ*; а еже рече Христось въ Еуангелїи о второмъ пришествїи, и то ли мыслено скажете?“ (Въ другомъ мѣстѣ таже мысль выражена такъ: „слышахъ, брате, что повѣстуеши: *рай поыблъ*, въ немъ же былъ Адамъ; ино, брате, о того есмѣ погибели не слышали.“) Въ числѣ доказательствъ реальнаго существованія рая Василій приводитъ легенду

¹⁾ Романъ былъ, кажется, четвертый сынъ Святослава (род. 1027 г., ум. 1076 г.). Можемъ это предполагать на основаніи рисунка, приложеннаго къ извѣстному изборнику 1073 года. „На первомъ листѣ росписанное красками изображеніе вел. кн. Святослава Ярославича съ супругою и дѣтьми. Надъ ними золотомъ надписаны имена ихъ, въ порядкѣ стоящихъ лицъ: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ, княгыни, Святославъ.“ (Описан. синод. рук. II, 2, стр. 365—366). Что сыновья Святослава размѣщены здѣсь по старшинству лѣтъ, объ этомъ можно догадываться потому, что послѣднимъ стоитъ Ярославъ, представленный младенцемъ (Карамзинъ, II, примѣч. 132). Романъ умеръ, не имѣя, конечно, и 30 лѣтъ.

объ Успеніи: передъ смертью Богородицы ангель принесъ ей вѣтку изъ рая: „а еже рай мысленный есть, то почто принесе вѣтвь сію ангель, а не мыслену? апостоли видѣша, множество и невѣрныхъ жидовъ вѣтвь ту видѣша.“ Мысленнымъ раемъ, по мнѣнію Василя, слѣдуетъ назвать тотъ рай, который откроется впоследствии, который теперь является пока предметомъ надеждъ: „а что, брате, молвишь рай мысленъ, ино, брате, такъ то и есть: мысленный и будетъ, а сажень не погибль и нынѣ есть.“ (Полн. собр. р. лѣтоп. VI, стр. 87—89). Противопологались: рай мысленный и рай чувственный. Въ „Диоптрѣ“ мон. Филиппа читаемъ такіе пункты: „яко хс̄ не въниде съ разбоинникомъ въ еже на земли чювственнымъ раи, но ниже ина кая дша праведныхъ“.. „Что єсть мысленны раи и еже в немъ садове“.... (Описан. Синод. рукоп. II, 2, стр. 454). Въ одномъ изъ словъ Григорія Самвлака лѣстница, видѣнная во снѣ Іаковомъ, названа мысленой: „ты же, слышавъ лѣствицу мисленую, яже видѣ Іаковъ, досягающую до небесъ“.... (Макарій, Ист. р. ц. V, стр. 453). Въ Изборникѣ 1073 года читаемъ: „дша же мыслными ошьстии на все по власти простирается.“ (Слов. Востокова s. v. ошьстие.) Въ посланіи архіеп. Вассіана къ в. кн. Ивану Васильевичу (1480) говорится м. проч.: „исходиши противу океанному оному мысленному волгу, еже глаголю страшливому Ахмату, хотя исхитити изо устъ его словесное стадо христовыхъ овецъ“ (П. С. Р. Лѣтоп. VI, 226). Въ послѣднемъ мѣстѣ слово „мысленный“ равнозначительно нашимъ терминамъ: иносказательный, метафорическій, принимаемый въ переносномъ смыслѣ. (Образъ метафоры не „чювствѣнь“, а только „мыслѣнь“). Так. обр. „мыслено древо“ значить: дерево не реальное, а существующее только въ представленіи нашего ума, дерево воображаемое. Контекстъ рѣчи можетъ, мнѣ кажется, навести на догадку, что именно надо разумѣть подъ этимъ метафорическимъ деревомъ. „О Бояне, соловію старало времени! абы ты сіа плѣкы ущекоталь, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы ¹⁾ оба помы сего вре-

1) Едвали есть надобность „славы“ поправлять въ „славію.“ Въ Словѣ о полку Игоревѣ „Слава“ представляется какъ пѣснь, пѣніе („пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти— Слава Игорю Святославичю“ и пр., Струны Бояна „сами княземъ славу ро-

мени.“ Авторъ Слова обращается къ Бояну: ему, воспѣвавшему старое время, старыхъ князей, слѣдовало бы пропѣть пѣснь и про „сія плѣкы“, про событія настоящія, про „нынѣшняго Игоря“, пѣснь Бояня соединила бы раздѣленное временемъ (оба полы сего времени). Так. обр. общая мысль всѣхъ этихъ образовъ, сгруппированныхъ въ приведенномъ мѣстѣ Слова, ясна: эти образы варьируютъ одно и тоже идеальное представленіе связи стараго съ новымъ, былого съ настоящимъ, предковъ съ потомками. Къ этому же представленію примыкаетъ и „мыслено древо.“ Намъ дано иносказательное выраженіе: образъ—древо, смыслъ—смѣна и вмѣстѣ съ тѣмъ связь человѣческихъ поколѣній.

Въ памятникахъ каноническаго и гражданскаго права мы привыкли встрѣчать символическое изображеніе преемственности родовъ въ видѣ дерева, т. е. такъ назыв. „родословное древо.“ (Исторію родосл. дерева въ памятникахъ права см. въ статьѣ „Genealogie“ въ „Allg. Encyclopädie“ Эрша и Грубера, 1-e Section, Th. 57). Нужно замѣтить, что наука права воспользовалась въ этомъ случаѣ образомъ, возникшимъ совершенно независимо отъ ея опредѣленій. Мыслено древо существовало и рядомъ съ юридическимъ родословнымъ деревомъ ¹⁾, и гораздо раньше его. Въ Словѣ о п. Иг. дерево, какъ образъ преемственности человѣческихъ существованій, не должно поэтому казаться намъ чѣмъ-то страннымъ и неожиданнымъ. Такое именно дерево-видъ, довольно распространенный въ „мысленой“ флорѣ разныхъ народовъ.

Латинск. *Stirps* употреблялось въ значеніи рода. Въ самыхъ древнихъ памятникахъ нѣмецкой письменности указывается слово *Liutstam* ²⁾. „Размноженіе семьи, рода изстари сравнялось, говорить

котакху), а пѣніе сравняется съ тѣмъ движеніемъ, которое означается словами: вить, виться. (Дѣвицы поютъ на Дунай, *выются голоса* чрезъ море до Кіева). „Свивать славы“—звуки хвалебныхъ пѣсней старымъ князьямъ заставлятъ сливаться съ звуками новыхъ прославленій. (Относит. „славы“ *accus. plur. ср.* въ былинахъ „славы поють.“)

¹⁾ См. еще „Родословное древо, по памятникамъ христіанской иконографіи“ *Виноградова* (Сборникъ археолог. института, кн. 3, 1880 г., отд. II, стр. 65—72).

²⁾ У *Otfrida* (IX в.): „*Uuas quit fon mir ther liutstam?*“ (quid dicit de me hominum stirps?) *Lib. III, cap. 12, v. 13. ср. Еванг. Мѣ.*

Аѳанасьевъ, съ ростками, пускаемыми изъ себя деревомъ, вслѣдствіе чего стволъ (пень, корень) служить въ эпической поэзіи символомъ отца или предка, а вѣтви—символомъ ихъ дѣтей и потомковъ. Величая не-вѣсту, малорусская свадебная пѣсня сравниваетъ ее съ яворомъ и спрашиваетъ: „чи ты кориня не глубокаго, чи ты батька не богатаго?“ Болгарская пѣсня говоритъ о невѣстѣ, что она отдѣляется отъ своего рода—племени, какъ отъ корня.... Въ народныхъ пѣсняхъ весьма обыкновенно сравненіе дѣтей съ вѣтвями и верхушкою дерева; наоборотъ п а с ы н о к ъ употребляется въ областныхъ нарѣчіяхъ для обозначенія меньшаго изъ двухъ сросшихся деревьевъ“ (Поэт. возвр. слав. II, стр. 478—479). Съ сходнымъ, но расширеннымъ, обобщеннымъ значеніемъ появляется „дерево“ въ одной изъ загадокъ „Бесѣды трехъ святителей:“ „Что есть: стоитъ дерево цвѣту полно, подъ нимъ корыты, а на деревѣ сидитъ голубь, и цвѣту урвавши въ корыто мещетъ, цвѣту не умалается, а корыто не наполнится? Отвѣтъ: дерево—земля, и *цвѣтъ*—*модіе*, а корыты—могилы, а голубь—смерть.“ (Памятн. стар. р. лит. 3, 172, ср. *Аѳанасьевъ*, *op. cit.* I, 528). Эта загадка стоитъ въ связи съ изреченіемъ Сираха: „Какъ зеленѣющіе листья на густомъ деревѣ—одни спадаютъ, а другіе вырастаютъ: такъ и родъ отъ плоти и крови—одинъ умираетъ, а другой рождается“ (гл. XIV, ст. 19). Въ мусульманскихъ повѣрьяхъ это дерево съ опадающими листьями приняло черты мистическія. Есть дерево Сидратъ-Альмунтага (*Sidrat Almuntaha*). На деревѣ этомъ „столько листьевъ, сколько людей на землѣ; на каждомъ листѣ написано имя какого-нибудь человѣка. При всякомъ рожденіи вырастаетъ новый листъ съ именемъ рожденнаго, а когда человѣкъ приближается къ концу своей жизни, его листъ на деревѣ сохнетъ и отпадаетъ.“ Въ тоже мгновеніе ангелъ смерти приближается къ человѣку и принимаетъ его душу. (*Weil, Biblische Legenden der Muselmänner*, S. 241).

Словью стараго времени слѣдовало бы порхать по „мыслену древу,“ пѣть то на той, то на другой вѣткѣ = Бояну слѣдовало бы слагать пѣсни и о старыхъ князьяхъ, и о новыхъ. „Образъ, конечно,

16, 13; Мрк. 8 27; Лук. 9, 18. (*J. Schalleri Thesaurus antiquitatum tevtonic. t. 1. Sp. Grimm, D. Mythol.*⁴ В. III: *Nachträge von E. H. Meyer*, S. 162).

искусственный (замѣчу я словами Ор. Оед. Миллера), но вѣдь и многое въ Словѣ искусственно, риторично.“

3. Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславичя; сѣдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди; а мои ти Куряни свѣдоми кѣмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють аны сѣрьи влѣци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы. О какомъ обстоятельствѣ Игорева похода идетъ здѣсь рѣчь? Когда и гдѣ ждалъ Игорь своего брата Всеволода? Въ разсказѣ южно-русскаго лѣтоп. свода (Ипатскій сп.) говорится, что Игорь, перейдя Донецъ, „прииде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ баше шель инѣмъ путемъ изъ Курьска.“ Это извѣстіе лѣтописи легко было сблизить съ приведеннымъ выше мѣстомъ Слова. Такое сближеніе и было сдѣлано. Объясняя слова: „Игоръ ждетъ мила брата Всеволода,“ Максимовичъ замѣчаетъ: „Игоръ ждалъ Всеволода уже за р. Донцомъ, надъ р. Осоломъ, куда Всеволодъ пришелъ прямо изъ Курьска, другимъ путемъ 2 мая“ (Собран. сочин. т. 3, стр. 646, ср. стр. 592). Тоже повторяетъ одинъ изъ новѣйшихъ комментаторовъ Слова Огновскій: „Игоръ дожидавъ Всеволода в походѣ его изъ Курьска черезъ два дни за Донцемъ при ріцѣ Осолѣ“ (Слово о п. Иг. стр. 42). Едва ли вѣрно такое объясненіе. Если ближе всмотрѣться въ разсказъ лѣтописи и Слова, то нельзя не замѣтить, что слова: „Игоръ ждетъ мила брата Всеволода“ не могутъ быть относимы къ соединенію князей у Оскола: онѣ указываютъ на какое-то другое свиданіе Игоря и Всеволода. Къ Осколу Игорь прибылъ съ своими войсками; туда же два дня спустя привелъ свои войска и Всеволодъ. Не о такой встрѣчѣ князей идетъ рѣчь въ Словѣ о полку. Игорь ожидаетъ Всеволода. Явившійся Всеволодъ приглашаетъ брата собирать войска, готовится къ походу, самому Всеволоду хлопотать не нужно: его войска уже готовы. „Сѣдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди“¹⁾. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не о встрѣчѣ

¹⁾ „Коня сѣдлатъ—собираться въ путь.“ *Потебня*, Слово о п. Иг. стр. 24.

князей во время похода, не о соединеніи боевыхъ дружинъ, а о какомъ-то свиданіи до похода, о какомъ-то предварительномъ сѣздѣ и уговорѣ князей относительно готовившейся борьбы съ половцами ¹⁾. Разсказъ ю.-русска. свода не упоминаетъ о такомъ свиданіи. Но нужно замѣтить, что приготовленія къ походу, обстоятельства, непосредственно ему предшествовавшія, изложены въ этомъ разсказѣ слишкомъ коротко и спутанно. „Любопытно, что о Всеволодѣ, замѣчаетъ проф. Бестужевъ-Рюминъ, есть запутанность въ въ южно-русскомъ сводѣ: сначала говорится: „пойма съ собою брата Всеволода изъ Трубецка,“ а потомъ: „приде къ Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курьска.“ Объясненіе можно найти развѣ въ томъ, что въ первомъ случаѣ перечисляются вообще участники похода.“ (О составѣ лѣтоп. стр. 113, примѣч.). Спутанность устраняется, мнѣ кажется, разсказомъ сѣв.-р. свода ²⁾ (Лавр. сп.): „Здумаша Олгови внуци на Половци, занеже бяху не ходили томъ лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о собѣ, рекуще: мы есмы ци не князи же? поидемъ, таки же собѣ хвалы добудемъ. И слышася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома изъ Новагорода Сѣверьскаго, ис Трубѣча Всеволодъ братъ его, Олговичъ Святославъ изъ Рыльска, и Черниговская помочъ.“ (Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 376—377). Точное указаніе мѣста, гдѣ былъ съездъ князей („у Переяславля“) не позволяетъ сомнѣваться въ достовѣрности приведеннаго извѣстія, хотя и опущеннаго въ болѣе подробномъ разсказѣ ю.-р. свода.—Сопоставивъ затѣмъ извѣстія сѣверн. и южн. лѣтописи и разсказъ Слова о полку, мы получимъ такой рядъ событій: у Переяславля князья собрались на сѣздѣ

¹⁾ Сѣзды князей передъ началомъ похода неразъ упоминаются въ лѣтоп. см. наприм. Лѣтоп. по Лавр. сп. 267, 405.

²⁾ Г. Ваденюкъ обратилъ вниманіе на близость Слова съ разсказомъ южно-р. свода. По его словамъ, изъ сравненія Слова и лѣтоп. разсказа „обнаруживается... извѣстное непосредственное соотношеніе этихъ двухъ разсказовъ. Обобщенія, какія можно бы извлечь при этомъ сравненіи, могли бы составить предметъ особаго разсужденія; я ограничусь здѣсь только указаніемъ на то, что не только содержаніе, складъ и расположеніе частей разсказа Ипатьевской лѣтописи, но и отдѣльныя выраженія совершенно тождественны съ подобными „Слова о

(Лавр. лѣт.); на этомъ съѣздѣ они уговорились относительно похода на Половцевъ (Слово о полку); Всеволодъ отправился потомъ къ своимъ войскамъ въ Курскъ, откуда и двинулся въ походъ („баше шель изъ Курьска“); Игорь пошелъ другимъ путемъ; у Оскола братья соединились. (Ипатск. лѣтоп.).

Допустивъ, что слова: „Игорь ждетъ мила брата Всеволода“ и т. д. указываютъ на съѣздъ и уговоръ князей до похода, мы найдемъ въ рассказѣ Слова о п. Иг. совершенно ясную послѣдовательность. Эта послѣдовательность разрушается при предположеніи, что въ разбираемомъ мѣстѣ указывается на соединеніе войскъ при Осколѣ.— Авторъ Слова начинаетъ свою повѣсть о походѣ Игоря упоминаніемъ о затменіи солнца. Это вѣщее явленіе онъ выдѣляетъ изъ общей послѣдовательности событій, онъ говоритъ о немъ прежде всего, прежде рассказа о началѣ похода. Авторъ Слова хочетъ съ первыхъ же словъ заставить своихъ читателей предчувствовать дальнѣйшее теченіе и связку повѣсти. Затѣмъ, послѣ извѣстія о затменіи, составитель Слова переходитъ къ изложенію событій самаго похода. Въ формѣ обращеній къ Бояну онъ высказываетъ колебаніе, чѣмъ именно слѣдуетъ ему начать свой рассказъ о походѣ, прямо ли перенести читателей въ степь, по которой движутся на встрѣчу другъ другу русскіе и половцы („не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, не галици стады бѣжать къ Дону великому“), или упомянуть о приготовленіяхъ къ походу („Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ

плку Игоревѣ.“ („Труды 3-го археол. съѣзда“ II, 52). Сказаніе Ип. лѣтописи „писано несомнѣнно современникомъ и очевидцемъ“ (*Бестужевъ-Рюминъ*, О сост. лѣт. 111), писано „по горячимъ слѣдамъ событій“ (*Хрущовъ*, О древне-р. пов. 196); г. Вадениукъ называетъ это сказаніе „современнымъ самому событію.“— „Слово о полку“ составлено въ 1187 году. „Непосредственное соотношеніе“ Слова и лѣтописн. рассказа приходится так. обр. объяснить тѣмъ, что составитель Слова могъ ознакомиться съ сказаніемъ, вошедшимъ потомъ въ юр. сводъ. Но если это и окажется вѣрнымъ, нужно будетъ все таки признать, что кромѣ этого сказанія авторъ Слова имѣлъ еще и другія извѣстія о походѣ Игоря. Нѣкоторыя указанія Слова объясняются только извѣстіями сѣверно-р. свода Ср. ниже замѣчаніе 7.

Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ“) 1). Онъ останавливается на послѣднемъ. Онъ рассказываетъ о свиданіи и уговорѣ князей, затѣмъ говоритъ о выступленіи Игоря въ походъ („Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю“), о движеніи черезъ степь (причемъ снова въ общемъ ряду событій упоминается о затменіи: „солнце ему тѣмою путь заступаше“), о приближеніи половцевъ („а Половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону великому“). Рассказъ развивается послѣдовательно. Допустивъ, что въ словахъ: „Игорь ждетъ мила брата“.... говорится объ остановкѣ у Оскола, мы замѣнили бы эту такъ ясно замѣчаемую послѣдовательность самой рѣшительной беспорядочностью.

Замѣчу еще въ дополненіе, что въ разбираемомъ мѣстѣ Слова (сѣздѣ князей) слѣдуетъ, кажется, предположить нѣкоторый пропускъ. „Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодь“ и т. д. Слова Всеволода—слова отвѣта. Гдѣ же вопросъ? Думается, что послѣ упоминанія объ ожиданіи Игоря слѣдовалъ рассказъ или упоминаніе о прибытіи Всеволода, затѣмъ рѣчь Игоря, возбуждавшая къ походу (ср. въ рассказѣ сѣв.-р. свода: „сами поидоша о собѣ рекуще: мы есмы ци не князи же? поидемъ, такы же собѣ хвалы добудемъ“) 2). Всеволодь отвѣчаетъ, что его не надо уговаривать: онъ и его дружина всегда готовы къ бою.

4. „Ная рана дорога, братіе, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, сво(е)я милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая.“ „Забуть жену и дѣтей“—выраженіе часто встрѣчающееся въ старыхъ памятникахъ для описанія храбрости. Въ сказаніи и Липецкой битвѣ помѣщена рѣчь Мстислава Мстиславича: „братіе! се вошли есмя в землю сильную, а позря въ

1) Пр. *Потебня* замѣчаетъ: „Трубы сзываютъ вой въ Игоревомъ Новѣгородѣ; въ Путивлѣ, у его сына Володимера *стоятъ стязи*, т. е. воткнуты или подняты на сборныхъ мѣстахъ.“ Слово о полку Иг. стр. 24.

2) *И. П. Хрущовъ* удачно сопоставилъ эти слова лѣтописи съ выраженіями Слова о полку: „нѣ рекосте: мужаймься сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднюю си сами подѣлимъ.“ (О древне-русск. ист. повѣстяхъ и сказан. стр. 205).

Бога станемъ крѣпко, не озираимся назадъ, побѣгше не уйти; а забудемъ, братье, домовъ, женъ и дѣти, а кому не умирати?" и т. д. (Лѣтоп. по Лавр. сп. 472). Вспомнишь жену и дѣтей—потеряешь мужество. Въ сказаніи о смерти Михаила Черниговскаго говорится, какъ бояре уговаривали князя побережь себя, не жертвовать своей жизнью: „все за тя примемъ опитемью.“ Только бояринъ Феодоръ (убитый потомъ вмѣстѣ съ Михаиломъ) думалъ иначе. „Егда же глаголаше къ нимъ Михаилъ, Феодоръ глаголаше въ собѣ: еда како ослабѣтъ Михаилъ моленнемъ сихъ, помянувъ женскую любовь и дѣтей ласканіе; и послушаетъ сихъ“ (Макарій, И. Р. Ц. т. V, стр. 411).—Въ разсказѣ о нашествіи Ахмата (1480 г.) упоминается о боярахъ, отговаривавшихъ Ивана III отъ борьбы съ Татарами: „Тѣ же бяху бояре богати, князю великому не думаячи противъ Татаръ за хрестьянство стояти и битися, дѣлаячи бѣжати прочь, а хрестьянство выдати, мня тѣмъ безъ року смерть бѣющимъ на бою и помышляюще богатество много, и жену, и дѣти“ (Полн. Собр. Лѣт. VI, 230).

5. „а Игорева храбраго плъку не крѣсити.“ Обычное, поговорочное выраженіе, повторенное въ Словѣ о полку два раза („о, дале че зайде соколь, птицъ бя къ морю, а Игорева храбраго“.... „По Роси и по Сули гради подѣлиша, а Игорева храбраго“....) Огоновскій (стр. 74) припоминаетъ изъ лѣтописи Слова Ольги Древлянамъ: „уже мнѣ мужа своего не крѣсити.“ Можно еще привести слова Ярослава новгородцамъ: „уже мнѣ сихъ не крѣсити.“ (Лѣтоп. по Лавр. сп. 55, 137; Ср. *Сухомлиновъ*, о Лѣтописи стр. 186).

6. „А ты, буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло“.... Въ Волинской лѣтописи (Ипатскій сп.) помѣщено воспоминаніе о Романѣ, которое нѣкоторые исследователи признаютъ отрывкомъ какихъ-то поэтическихъ преданій объ этомъ князѣ. Не отрицая вліянія народно-поэтическихъ преданій на упомянутое лѣтописное воспоминаніе, замѣчу, что въ немъ видно присутствіе и другаго рода литературныхъ элементовъ, вліяніе памятниковъ переводныхъ. „По смерти же великаго князя Романа.... одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ *ума мудростью, ходяща* по заповѣдемъ Божиимъ: устремилбоя бяше на поганья, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь“ и т. д.“ Въ „Лѣтописцѣ Еллинскомъ и Римскомъ“ въ разсказѣ объ Ираклѣ читаемъ м. проч.: „Палицею оубивша змя, рекше одолѣвшу тремъ частемъ злымъ похотемъ *оума мдрѣтью*

акы палицею, *ходяща* в котызѣ яко въ лѣвѣ язвенѣ въ твердѣ оумѣ“ и т. д. (*Поповъ*, Обзоръ хронографовъ р. ред. вып. 1, стр. 14. Ср. *Fragmenta historicorum graec. coll. C. Müllerus*, t. IV, p. 543).

7. Плачь Ярославны.—О плачѣ нужно сказать тоже, что замѣчено было выше относительно разсказа о затменіи солнца. Затменіе выдѣлено въ Словѣ о полку изъ общаго порядка событій. Это явленіе предвѣщало несчастный исходъ похода, поэтому и разсказъ о немъ предпосланъ разсказу о началѣ похода. Подобный же литературный приѣмъ повторяется и при разсказѣ о бѣгствѣ Игоря изъ плѣна. Бѣгству предшествуетъ плачь Ярославны. Давно уже замѣтилъ пр. Бу-слаевъ: „плачь Ярославны относится къ возвращенію ея мужа, какъ желаніе къ исполненію.“ (*Москвитянинъ* 1845 г. ч. 1, отд. крит. стр. 35).

Ближайшая связь, въ которую авторъ Слова ставитъ плачь и бѣгство, будетъ особенно ясна, если мы (при помощи лѣтоп. разсказа) представимъ себѣ общій порядокъ упоминаемыхъ въ Словѣ событій, и если сопоставимъ содержаніе плача съ тѣмъ, что излагается въ предшествующей и послѣдующей частяхъ Слова.—Русское войско разбито; князья отведены въ плѣнъ; дружина пала, спаслись только немногіе; вѣсть объ этомъ дошла до Руси и принесла много горя и много заботъ. Въ разсказѣ ю.р. свода передается это такъ: „кончавшюся полку розведени быша, и поиде кождо во своя вѣжа.... Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть,.... небашеть бо лзѣ ни бѣгающимъ утечи, зане яко стѣнами силными огорожени бяху полкы половецькими; ношахуть, Русь съ 15 мужъ утекши, а Ковуемъ мнѣ, а прочіи въ морѣ истопоша.... И бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Чернигѣвской, князи изымани и дружина изымана, избита, и мятахуться акы въ мотив“ и т. д. Въ разсказѣ сѣв.-р. свода: „И побѣже ни быша наши гнѣвомъ Божьимъ, князи вси изымани быша, а бояре и велможи и вся дружина избита, а другая изымана, и та язвена; и възвратихася съ побѣдою великою Половци, а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса, за наше согрѣшенье. Гдѣ бо баше в насъ радость, нынѣ же въздыханье и плачь распространися.... И поиде путемъ гость, они же (половцы) казаша рекуще: „поидѣте по свою братью, али мы идемъ по свою братью к вамъ;“ княземъ же всѣмъ слышавшимъ таку погыбель о братьѣ своей и до боярѣ, возшша вси, и бысть плачь и стenanье, овѣмъ бо братья избита и изымана, а другимъ отци

и близины.“ Въ Словѣ о полку этому соотвѣтствуетъ изображеніе „невеселой години:“ „кликну Карна, и Жли поскочи по Руской земли.... Жены рускыя въсплакашася, аркучи.... А въстона бо, братіе, Кіевъ туюго, а Черниговъ напастыми; тоска разліяся по Руской земли“ и т. д.

В. кн. Святославъ получилъ извѣстіе о пораженіи Игоря въ то время, когда готовился къ новому походу противъ половцевъ, собиралъ войска: „и яко приде къ Чернигову, и вотъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичъ („гость“ сѣв.-р свода), и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ.“ Посѣтовавъ на Игоря и Всеволода („не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю“), Святославъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы приготовить оборону противъ готовившагося нападенія Половцевъ, призывалъ зязей. Въ сѣв.-р. сводѣ: „А князь Святославъ посла по сыны своѣ и по всѣ князи, и собрашася к нему к Кыеву“.... Въ Словѣ о полку: сонъ Святослава и его золотое слово ¹⁾.

¹⁾ Въ разказѣ сѣв.-руск. свода послѣ извѣстія о съѣздѣ князей въ Кіевѣ прибавлено: „и выступиша къ Каневу, Половци же услышавше всю землю русскую идуще, бѣжаша за Донъ; Святославъ же слышавъ ихъ бѣжавшихъ, възвратися к Кыеву со всею князьею, и разидошася въ страны своя. Половци же услышавше ихъ отшедшихъ, гнаша отай къ Переяславию“ и т. д. Разказывается о нападеніи Половцевъ. Эти обстоятельства, т. е. съѣздъ князей, выступленіе войскъ и потомъ возвращеніе князей и дружинъ ихъ по домамъ, нужно, мнѣ кажется, имѣть въ виду при объясненіи сна Святослава и его золотого слова. То, о чемъ упоминается въ разказѣ о снѣ, въ золотомъ словѣ, въ возваніяхъ къ князьямъ, могло имѣть мѣсто *послѣ* упомянутыхъ событій. „Князь Святославъ посла... по всѣ князи, и собрашася к нему к Кыеву.“ Сопоставляя извѣстія сѣв.-р. свода съ разказомъ ю.-р., смѣло можемъ утверждать, что князья не выказали особенной ревности: собралось ихъ не много, лишь только дошелъ слухъ, что Половцы двинулись за Донъ, они разошлись. Печальныя послѣдствія этой послѣдственности открылись вскорѣ же. Половцы вернулись и „прострошася по руской земли акы пардуже стадо.“ Сонъ и золотое слово относятся къ этой именно порѣ. Сонъ былъ вѣщій: вслѣдъ за

Половцы не заставили себя долго ждать. Двумя отрядами двинулись они на Русь. Одинъ отрядъ, подъ начальствомъ Кончака, осаждаютъ Переяславль (тутъ въ время вылазки тяжело раненъ кн. Владимиръ Глѣбовичъ), опустошаетъ Римовъ. Другой отрядъ, подъ предводительствомъ Кзы, направился къ Путивлю: „и повоеавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, *пожгоша же и острогъ у Путивля.*“ Въ Словѣ о полку нѣтъ полного разсказа о набѣгѣ Половцевъ, но нѣкоторыя обстоятельства набѣга переданы все таки въ видѣ короткихъ припоминаній, прерываемыхъ обращеніемъ къ разнымъ князьямъ русской земли. „Се у Ри^а кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ рапами.... По Рси и по Сули гради подѣлиша.“

нимъ пришла вѣсть о томъ, что Половцы хозяйничаютъ въ Черниговской волости. А русскія войска уже разошлись. Слово Святослава, воззванія къ князьямъ—выраженіе сожалѣнія и досады. „Нѣ се зло—княже ми непособіе.“ Святославу уже пришлось убѣдиться въ этомъ. „Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти“ и т. д. Но въ обращеніяхъ къ князьямъ, кромѣ сожалѣнія о быломъ, высказывается еще попытка снова собрать князей для общаго дѣла: „Вступита.... за обиду сего времени, за землю рускую, за раны Игоревы“ и т. п. Эти призывы князей тѣмъ особенно любопытны, что они указываютъ, быть можетъ, на обстоятельства, которыя вызвали появленіе Слова о полку. Слово составлено въ 1187 году (Что оно явилось не позже 1187 г., это доказывается тѣмъ, что въ немъ упомянуты въ числѣ современныхъ князей Ярославъ Осмомысль и Владимиръ Глѣбовичъ, умершіе въ 1187 г.; что оно сложено не раньше 1187 года, это подтверждается намекомъ на возвращеніе Владимира Игоревича съ Кончаковою [ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице], которое случилось въ томъ же 1187 г.) Въ этомъ же году кн. Святославъ задумалъ новый походъ противъ Половцевъ: „замыслилъ Святославъ съ Рюрикомъ (въ 1187 г.) на Половци.“ (См. *Карамзинъ*, И. Г. Р. т. III, прим. 74) Быть можетъ, составитель Слова, человекъ близкій къ Святославу, въ виду этого новаго похода („а чи диво ся, братіе, стару помолодити?“) припомнилъ несчастный полкъ Игоревъ, присоединивъ къ этому припоминанію приглашеніе русскихъ князей соединиться вокругъ Святослава для отпора степнымъ насильникамъ.

Так. обр. Слово о полку выдерживаетъ до сихъ поръ порядокъ событій, извѣстный по лѣтописнымъ сказаніямъ. Далѣе—порядокъ нарушается. За обращеніемъ къ князьямъ слѣдуетъ плачь Ярославны. При изложеніи плача авторъ Слова какъ будто забылъ все предшествующее. Давно уже окончился походъ Игоря, давно уже вѣсть о поражении и плѣнѣ князей обошла русскіе города и волости, жены русскія успѣли оплакать своихъ милыхъ лодь, было уже новое горе—нападеніе Кзы и Кончака. Ярославна не знаетъ ничего этого. Ея плачь заставляетъ думать, что слухъ о поражении и плѣнѣ мужа еще не дошелъ до нея. Она говоритъ о битвѣ Игоря съ Половцами, о битвѣ, исходъ которой еще не рѣшонъ. „Чему, господине, простре горячую свою лучю на лады вой? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче? (обстоятельство, отмѣченное въ с.-р. сводѣ: „изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони и сами, в зной и в тузѣ).—„Чему *мычеши* хиновьскыя стрѣлки на своєю нетрудною крылцю на моя лады вой?“—Ярославна плачетъ „въ Путивлѣ на забралѣ“, въ томъ самомъ Путивлѣ, на который нападали Половцы и въ которомъ они „пожгоша острогъ.“—Ясно, что составитель Слова о полку совершенно отдѣлилъ плачь (который послѣ изображенія „невеселой години“ снова переноситъ насъ ко времени битвъ Игоря и Всеволода) отъ предшествующаго изложенія, порвалъ нить разсказа. Онъ жертвуетъ внѣшней послѣдовательностью событій въ пользу той идеальной ихъ связи, сообразно съ которой онъ начертилъ планъ своего произведенія. Авторъ Слова въ концѣ своей „повѣсти“ будетъ говорить о бѣгствѣ Игоря. Но разсказу объ этомъ нужно, по его плану, предпослать картину, которая давала бы предчувствовать это событіе. Авторъ Слова изображаетъ Ярославну, тоскующую по мужѣ, ея плачь онъ хочетъ представить вѣщимъ. Ярославна остается въ Путивлѣ но (еще до окончанія похода, до полученія извѣстія о поражении и плѣнѣ Игоря) она знаетъ, что Игорь раненъ („утру князю кровавыя его раны“...), что ему и дружинѣ приходится страдать отъ жара и жажды. Вѣщій плачь не можетъ остаться безъ послѣдствій. Ярославна зоветъ мужа. Вслѣдъ за „плачемъ“ авторъ Слова прямо переходитъ къ разсказу о бѣгствѣ Игоря.—Въ лѣтописи, сообразно съ требованіями иной литературной манеры, бѣгство Игоря представлено слѣдствіемъ молитвъ русскихъ людей. Любопытно сопоставить съ плачемъ Ярославны это замѣчаніе лѣтописи: „но избави и Господь за молитву хрестыаньску, имъже мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него.“

Замѣчу еще въ дополненіе, что образъ женщины, плачущей на городской стѣнѣ, встрѣчается и въ памятникахъ старинной поэзіи запада. Въ поэмѣ о Вольфдитрихѣ разсказывается м. проч., какъ Либгарда ждетъ своего мужа Ортнита: „она уходитъ на стѣну и тамъ громко начинаетъ жаловаться на свое горе“ (*Кирпичниковъ*, Поэмы Ломбардскаго цикла, стр. 57, ср. стр. 72):

Diu frouwe gienc dô bâlde an die zinnen stân,
si klagte alsô verre iren lieben man.... (Deutsches Heldenbuch,
3 Th. 1871, S. 276).

Иванъ Ждановъ.

12 іюля 1880 г.

1890

0-10

II-36706p.

Цѣна 50 коп.